

*АНТОЛОГИЯ
ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ*

Н. Ф. Кузнецова

**ИЗБРАННЫЕ
ТРУДЫ**

Владимир Кудрявцев
Избранные труды (сборник)

«Юридический центр»

2003

УДК 343.2/.7:343.9
ББК 67.408:67.51

Кудрявцев В. Н.

Избранные труды (сборник) / В. Н. Кудрявцев — «Юридический центр», 2003

В сборник избранных трудов Н. Ф. Кузнецовой по уголовному праву и криминологии включены монографии «Значение преступных последствий для уголовной ответственности», «Ответственность за приготовление к преступлению и покушение на преступление по советскому уголовному праву», «Преступление и преступность», главы монографии «Уголовное право ФРГ», «Современная буржуазная криминология», «Проблемы криминологической детерминации», а также ряд научных статей, представляющих теоретический и практический интерес для современного читателя. Для преподавателей, аспирантов, студентов юридических вузов и всех интересующихся вопросами уголовного права.

УДК 343.2/.7:343.9
ББК 67.408:67.51

© Кудрявцев В. Н., 2003
© Юридический центр, 2003

Содержание

Предисловие	6
Автобиография-воспоминания	9
Часть I. Уголовное право	17
Значение преступных последствий для уголовной ответственности[4]	17
Глава 1	17
§ 1. Понятие и значение преступных последствий	17
§ 2. Вопрос о так называемых «формальных» и «материальных» преступлениях	29
§ 3. Существуют ли «усеченные» составы?	40
Глава II	46
§ 1. Преступные последствия в простых преступлениях[132]	47
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Нинель Кузнецова

Избранные труды (сборник)

© Н. Ф. Кузнецова, 2003

© В. Н. Кудрявцев, предисловие, 2003

© Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003

* * *

Предисловие

Избранные труды Н. Ф. Кузнецовой входят в серию работ об отечественных криминалистах XX в. Издательство проявило прекрасную инициативу, воссоздавая для современного читателя-юриста целостные образцы его учителей – профессоров и преподавателей предыдущего поколения, материализованные в их книгах, брошюрах, статьях – том «продукте», который запечатлевает, с большей или меньшей достоверностью, взгляды авторов и логику их исследований.

Но замысел издательства, по моему мнению, привел и к гораздо более весомому результату: через представленные монографии и другие работы просматривается историческая эпоха – во всяком случае в ее государственно-правовой сфере – в которую жили и творили эти авторы.

Я сознательно пишу эти строки в прошедшем времени, потому что основная часть публикуемых произведений была создана в 60–90-е годы прошлого века, хотя творчество представленных авторов успешно продолжается и сегодня. Но, думается, для настоящего и будущего читателя наибольший интерес представят как раз концепции, взгляды, направления исследований, характерные для того уникального времени, которое уже не вернется.

А это время было очень непростым. Проходил процесс объективной стабилизации советского общества, причем развивались как демократические, так и консервативные тенденции. Постепенно изживали себя левацкие представления о государстве и праве; только что прекратился массовый сталинский террор. С другой стороны, еще не существовало права «развитого социализма» и было неизвестно, каким оно должно быть. В этой обстановке перед отечественными криминалистами естественно возникли три задачи: во-первых, возродить классическую уголовно-правовую науку, хорошо разработанную дореволюционными учеными и удержанную от распада профессурой старшего поколения (А. А. Пионтковский, А. Н. Трайнин, А. А. Герцензон, М. М. Исаев и др.), но не развитую ими в деталях, необходимых для преподавания и судебно-следственной практики. Не забудем о том, что вся прежняя литература была в 20-е годы названа «юридическим бараклом» и предана ostracismu – равно как и труды иностранных авторов. Но и восстановление классических учений происходило с великим трудом (достаточно сказать, что принцип презумпции невиновности был официально признан только в 1987 г.).

Во-вторых, после смерти Сталина нужно было работать над новым уголовным законодательством, формулировать его принципы, создавать структуру, основные понятия и конкретные нормы. С этим органически была связана и третья задача: перейти от догмы права к анализу действительной жизни. А это означало, на научном языке, срочную разработку криминологии, социологии права, юридической психологии.

Нинель Федоровна Кузнецова оказалась в центре этих задач. Углубленная разработка так называемой «догмы» уголовного права, а по существу – его основных понятий и институтов – выразилась в написанных ею в большом количестве учебников, учебных пособий и статей, которые не публикуются в настоящем издании только из-за их учебного или прикладного характера.

Тем не менее достаточное представление о творчестве Н. Ф. Кузнецовой в упомянутой области дают монографии «Ответственность за приготовление и покушение» (1958 г.) и «Значение преступных последствий по уголовному праву» (1958 г.).

Участие Н. Ф. Кузнецовой в разработке уголовного законодательства 60-х и последующих годов трудно переоценить: неперенный член многочисленных комиссий при высших органах государственной власти по совершенствованию законодательства, она была автором или соавтором почти всех уголовно-правовых новелл середины и конца XX в. Но труд реаль-

ного разработчика законов у нас, как известно, остается безымянным; вся слава достанется тем, кто подпишет новый закон. Об авторах его могут вспомнить лишь тогда, когда окажется, что закон бездействовал или неумело применялся.

Но главное не в этом, а в том, какого направления придерживалась Н. Ф. Кузнецова, участвуя в законотворческой деятельности. Одно очевидно: демократизация государственной и правовой системы, искоренение малейших рецидивов произвола, строгое соблюдение законности и прав граждан. Отмечу, что все это было не так легко претворить в юридические формулы: многие юристы-практики и партийные функционеры предпочитали сохранить прежнюю «свободу рук». Но отрадно отметить, что в период «оттепели» и позднее отечественные ученые-криминалисты единым фронтом выступали за демократизацию юридической системы.

Подлинный расцвет таланта Н. Ф. Кузнецовой произошел тогда, когда она еще в 60-е годы обратилась к проблемам новой для нас в то время науки – криминологии.

Один из Генеральных секретарей всесоюзного ЦК КПСС Ю. В. Андропов в свое время провидчески заявил, что мы не знаем общества, в котором живем. Это в полной мере относилось к закрытой, малоприятной, теневой стороне жизни – к преступности. Ее изучение, как известно, было насильственно прервано в 30-е годы по идеологическим причинам (страна «победившего социализма» преступников иметь не должна).

И потребовалось не только большое мужество, но и неисчерпаемый научный потенциал Н. Ф. Кузнецовой, чтобы с присущей ей решительностью броситься в бой. Уже через год после реабилитации криминологии и создания Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности (1963 г.) она начинает преподавать криминологию на юридическом факультете МГУ (1963 г.), пишет вместе с другими энтузиастами первый отечественный учебник по этой дисциплине (1966 г.).

В сборнике представлены три широко известные криминологические монографии Н. Ф. Кузнецовой: «Преступление и преступность» (1969 г.), «Сравнительное криминологическое исследование преступности в г. Москве» (1971 г.) и «Проблемы криминологической детерминации» (1984 г.). В последнем труде глубоко проанализирована субъективная психологическая составляющая комплекса причин преступности в нашей стране на исходе века. Сейчас эти наблюдения имеют особую познавательную ценность, давая возможность сравнить менталитет нескольких поколений россиян.

В 1984 г. Н. Ф. Кузнецова в группе из пятерых ученых стала Лауреатом государственной премии СССР за разработку теоретических основ советской криминологии.

В ярком созвездии отечественных криминологов Нинель Федоровна Кузнецова сверкает как звезда первой величины. Зная ее свыше пятидесяти лет, позволю себе отметить две ведущие черты ее характера, проявляющиеся не только в науке. Во-первых, это глубина и, я бы сказал, доскональность изучения избранного предмета. Там, где большинство авторов останавливаются то ли в силу трудностей анализа, то ли по причине узости научных интересов, Нинель Федоровна всегда доводит дело до конца, подчас вопреки общепринятым взглядам и мнениям коллег.

Во-вторых, необычайная устойчивость в сложных и спорных ситуациях, когда на одной чаше весов мнение начальства, авторитет власти, распространенные предрассудки, а на другой – логика науки. Здесь для Нинели Федоровны вопросов нет: наука – это высший критерий истины и практического действия. А мнение начальства для нее – не указ.

Когда-то поэт сказал: «...Хвалу и клевету приемли равнодушно и не оспаривай глупца». На мой взгляд, Нинель Федоровна приняла лишь первую половину этой формулы. Что касается глупцов, которых она не выносит, то споров и дискуссий тут не избежать. Н. Ф. Кузнецова – мастер полемики, в которой, надо признать, заходит подчас и слишком далеко. Но здесь уж ничего не поделаешь – таков характер, где смешались и гены, и жизненный путь. Каждый человек неповторим, своеобразен, уникален. Тем и интересен.

Академик

Лауреат государственной премии СССР Заслуженный деятель науки РСФСР

В. Н. Кудрявцев

Автобиография-воспоминания

Родилась я в декабре 1927 г. в г. Ташкенте (внук спрашивает: «Это за границей?» «Увы, теперь – да», – отвечаю ему.). Тогда же столь далеко от столицы оказались родители-москвичи потому, что отца – военного летчика командировали на борьбу с басмачами. Боевые дела его и товарищей по полку описаны в книге С. Митрофанова «Три встречи», где речь идет о трех основных этапах разгрома банды Исмаила бея.

В 1945 г. закончила десятилетку с впервые в тот год введенной золотой медалью, что помогло мне поступить безэкзаменационно на юридический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова. Выбор будущей профессии произошел под литературным влиянием русских юристов, блестяще защищавших революционеров.

1 сентября 1945 г. в 9 часов утра – первая лекция на юридическом факультете, прочитанная профессором А. И. Денисовым и посвященная основам теории государства и права. Познакомилась со своими сокурсниками, большинство которых были инвалидами Великой Отечественной войны – кто без руки, кто без ноги, кто с обожженным лицом. Не давая себе передышки на лечение, они сразу после фронта пересели на студенческую скамью. За учебниками и иной юридической литературой в библиотеке неизменно выстраивались длинные очереди. Голодные (карточки с 400 граммами хлеба на день отменили в 1948 г.), они взамен хлеба насущного целеустремленно «грызли гранит науки» и ни один из них не бросил факультет¹. Когда нынешним студентам иногда говорю об этих граммах хлеба, они удивляются: ведь 400 граммов хлеба в сутки – это много, они столько не съедают. Воистину «сытый голодного не разумеет». Хлеб тогда служил основным, порой единственным источником питания, а не приложением к мясным и сырным деликатесам.

Мы, выпускники 1950 года, свято соблюдаем традиции студенческого братства. Каждые пять лет отмечаем встречей с воспоминаниями и банкетом. Последняя встреча состоялась в 2000 году – пятьдесят лет после окончания МГУ. Как же мы всегда рады таким встречам, хотя на них приходит все меньше однокашников.

Студенты 40–50-х годов XX в. по честности, трудолюбию, целенаправленности ни в какое сравнение не идут с современными «пореформенными» студентами. Проведенные опросы показали их удивительную для строителей правового государства терпимость к коррупции.² Интерес к дисциплинам уголовно-правового цикла резко упал. А прежде существовал конкурс для поступления на кафедру уголовного права. На кафедре криминалистики ныне специализируется всего один студент. Мы же в свое время были в восторге от криминалистики. Лекции профессора И. Н. Якимова и руководимый им студенческий кружок были самыми посещаемыми. Нынешние студенты специализируются в большинстве своем на кафедрах гражданско-правового цикла, хотят быть банкирами и предпринимателями. Конечно, это – знамение времени, да только вот беда: рынок в России сформировался по преимуществу как криминальный. Отсюда мое пожелание студентам 2002 года по завершении курса лекций по Общей части уголовного права звучало необычно. Тем студентам, которые интересовались уголовным правом, я пожелала успешных экзаменов, а тем, которым уголовное право неинтересно (проведенный опрос выявил заметное число таковых), пожелала «не пересекаться с УК РФ» ни в качестве потерпевших, ни в качестве субъектов экономической преступности. Весьма печально, что полвека воспитания и образования юристов завершаются столь пессимистически. Прогноз, увы, тоже неблагоприятен.

---

¹ Леви А. Дороги судьбы. Как я остался жив. М., 2000.

² Ключкова Л. В. Правосознание студенческой молодежи: результаты криминологического исследования // Вестник МГУ. Серия 11. Право. 1998.

Но вернемся к 1945 г. После поступления на факультет мой «адвокатский» романтизм продержался недолго – до третьего курса, когда мы проходили производственную практику в горпрокуратуре и горсуде Москвы. Симпатии быстро и прочно перешли на сторону прокуроров и следователей, трудяг, не покидавших своих рабочих мест далеко за полночь. Наставниками на практике послужили такие выдающиеся следователи, как А. Михайлов, А. Эйсман, прокурор города А. Васильев. Все они в последующем стали известными докторами наук и профессорами, а А. Н. Васильев заведовал кафедрой криминалистики юридического факультета МГУ.

Повезло нам, первым послевоенным студентам факультета, и с лекторами. Курс по Общей части уголовного права читал профессор А. А. Герцензон, по Особенной части – А. Н. Трайнин, по военному уголовному праву (был и такой курс) – профессор В. Д. Меньшагин, по криминалистике – профессор И. Н. Якимов, по уголовно-процессуальному праву – профессор Шифман. Понятно, что столь интеллектуально мощная профессура не могла не увлечь студентов, которые в своем большинстве выбирали уголовно-правовую специализацию. Способствовало этому предпочтению и бессменное руководство научным студенческим кружком по уголовному праву А. Н. Трайнина, члена-корр. АН СССР, невзирая на его громадную занятость. По его рекомендации как активистка кружка я была рекомендована в аспирантуру. Затем он стал моим научным руководителем по кандидатской диссертации.

Тема моей кандидатской диссертации тоже оказалась подсказанной Ароном Наумовичем (хотя он об этом не догадывался) еще на вступительных экзаменах в аспирантуру, когда он предложил мне в качестве первого вопроса «Ответственность за приготовление к преступлениям». Вопрос был явно невыигрышным, мелким, на нем не «блеснешь». Экзаменаторов почему-то больше всего интересовал вопрос, надо ли сохранять уголовную ответственность за приготовление к преступлению. Я довольно бойко отвечала «не нужно». Помню как сейчас – лицо Арона Наумовича выражало неудовольствие. Полученная же в итоге пятерка, как показывает собственный полувековой преподавательский опыт, оказалась натяжкой.

Понятно, что после поступления в аспирантуру я поставила себе задачу: немедленно реабилитироваться. Засела за углубленное изучение проблемы ответственности за неоконченное преступление. На заседании студенческого кружка взяла на себя смелость выступить с весьма самоуверенным докладом по данной теме.

Опровергая аксиомы учебников, доказывала, что стадии совершения преступления вовсе не синонимы приготовления и покушения, что обнаружение умысла не является стадией преступления, что добровольный отказ возможен только от завершения преступления, но не от уже прерванных приготовления и покушения.

После своего доклада была готова к тому, что сейчас Арон Наумович прилюдно поставит на место нагловатую зазнайку. А он поддержал мои идеи, даже поблагодарил за доклад и пожал мне руку. От такой реакции крупнейшего ученого с мировым именем пришлось по дороге домой всплакнуть. Что поделаешь – «слабый пол». Так был преподан и хорошо усвоен первый урок исследователя: «Дерзай, не бойся, не боги горшки обжигают».

В начале 50-х годов по стране прокатилась трагично известная «борьба с космополитизмом». Мои горячие речи на комсомольских собраниях и капель в протестном море считать нельзя. А. Н. Трайнина сняли с работы и заведования кафедрой уголовного права МГУ. На его место пришел профессор В. Д. Меньшагин. Среди вопросов первого заседания кафедры значилось «О вынесении взыскания ассистентке Кузнецовой Н. Ф. за неявку на заседание кафедры». Между тем ассистентка не пришла, так как находилась в законном отпуске в счет летней работы в Центральной приемной комиссии университета. Кроме того, демарш означал мою поддержку А. Н. Трайнина. Даром все это не прошло. Санкции «ученице Трайнина» состояли в том, что новый научный руководитель не читал в течение полугода завершенную диссертацию. Ни стояния под дверью его квартиры, ни письма, ни даже телеграммы с мольбой

прочитать диссертацию не помогали. Потом научное руководство было передано профессору В. М. Чхиквадзе. Начальник Военно-юридической академии был слишком занят, чтобы читать рукопись какой-то, да еще «чужой» аспирантки. Бог им судья. Спишем на тоталитаризм того времени.

Между тем положение становилось все более критическим. Срок аспирантуры окончился, я оказалась без работы, а у меня была маленькая дочь, муж-адъютант Авиационной инженерной академии им. Н. Е. Жуковского – тоже не богат.

Через семнадцать лет (раньше не разрешалось выходить на докторские защиты) я представила двухтомную диссертацию «Преступление и преступность». История, к сожалению, повторилась: рецензент профессор (не буду его называть, несколько лет спустя он мне скажет: «А Вы, Нинель Федоровна, не злопамятны») заявил, что в ближайшие восемь месяцев у него не будет времени читать подготовленную работу.

Невольно сравниваю наше время восхождения на пик «Наука» с сегодняшним. Докторскую диссертацию не возбраняется защищать через два-три года после защиты кандидатской и по близкой, если не идентичной теме. Двух статей Особой части УК (например, о налоговых преступлениях) хватает для получения докторской степени. Молодежь «за волосы тянем», чтобы работала над докторскими творениями. Сравниваю и не завидую. Испытания и трудности закалили нашу верность науке. Но все-таки хорошо, что время, когда вершил суд субъективизм, ушло, надеюсь, навсегда.

Много внимания уделяла я подготовке аспирантов и докторантов. Подготовлено более сорока кандидатов и пять докторов наук, в числе которых аспиранты и докторанты из США, ФРГ, Болгарии, Греции, Китая, Кубы.

Особую гордость испытываю за своего ученика Александра Ивановича Гурова, нынешнего председателя Комитета по безопасности Госдумы РФ. Знакомство с ним состоялось прямо-таки при детективных обстоятельствах. По окончании лекции по спецкурсу «Причины преступности» подошел ко мне студент VI курса вечернего отделения и просит проводить меня до станции метро. По дороге он рассказывает интереснейшую историю: его увольняют из органов внутренних дел потому, что во время своего дежурства он, спасая человека, убил льва. В тот день к нему подбежал взволнованный мужчина с криком «На Мосфильмовской лев загрызает человека!». Участковый посоветовал мужчине пойти домой и проспаться. Однако заявитель настаивал, требуя немедленного вмешательства (при этом он был трезв). Когда А. И. Гуров прибежал к палисаднику ПТУ, расположенному напротив киностудии «Мосфильм», то увидел, как громадный лев возлежит на молодом парне и его пасть разверзлась над лицом несчастного. Дрожащей рукой участковый стал целиться в голову льва, понимая, что может промахнуться и попасть совсем в другую голову. Лев был убит, потерпевший отправлен в больницу, а фильм с львом «Кингом» не состоялся. Вместо благодарности за мужество А. И. Гурова увольняют с работы, так как СМИ подняли истерическую шумиху о незаконности действий милиционера.

Мы со студентами устроили многолюдный «круглый стол», на котором объяснили журналистам, что такое необходимая оборона и крайняя необходимость. Финал истории оказался счастливым. И. И. Карпец, тогда начальник Уголовного розыска СССР, пригласил уволенного лейтенанта «на ковер», восстановил с повышением в органах милиции. В последующем судьба, невзирая на докторскую степень и генеральские погоны, не единожды испытывала А. И. Гурова на прочность. Испытания достойно выдерживались. Вот если бы 15 % генералитета МВД так же боролись за законность, строительство правового государства пошло бы активнее. Следование заповеди о чистых руках, горячем сердце и холодной голове, надо полагать, станет когда-нибудь главным профессиональным качеством юриста.

60-е годы принесли «оттепель» и в правовые науки. В 1963 г. создается Всесоюзный научно-исследовательский институт по изучению причин преступности и предупреждению

преступлений. Его первым директором стал И. И. Карпец, настоящий ученый и обаятельнейший человек (последнее стало большим дефицитом в современных коллективах правоведов). Сектор № 1 института возглавил «отец советской криминологии» А. А. Герцензон, крупнейший ученый и человек непревзойденных душевных качеств.

Заниматься криминологией тогда было весьма проблематично. Ранее, ни в дореволюционные, ни в советские времена такой самостоятельной науки и учебной дисциплины не существовало. Ограниченная криминологическая информация приводилась в учебниках по уголовному праву. Главное же препятствие ее становления и развития было в засекреченности уголовной статистики. Блистательный профессор по правовой статистике, любимец студентов профессор С. С. Остроумов грустно шутил по этому поводу: десятки лет он читает лекции по уголовной статистике без таковой. Вместе с ним мы параллельно – я на дневном, он на вечернем отделениях – прочли общий курс по криминологии. Разрешено было прочесть нам его впервые в Союзе в 1963 г. «в порядке эксперимента», так как криминология, как и кибернетика, считалась «буржуазной наукой». К великому счастью, в 1964 г. издается постановление ЦК КПСС о юридической науке и юридическом образовании, которым криминология вводится в учебные планы юридических вузов как обязательная общая дисциплина.

Интерес студентов и аспирантов к криминологии был неподдельно велик. Большинство курсовых и дипломных работ на юридическом факультете МГУ они писали именно по криминологии. И это при закрытости статистических данных и мизерности криминологической литературы. Первый отечественный учебник по криминологии вышел в свет под редакцией А. А. Герцензона лишь в 1966 г.

Тогда же криминология вступила в пору своего расцвета. Однако камнем преткновения оставалась секретность уголовной статистики. Для получения ее данных нам приходилось проходить оформление в спецотделах своих учреждений. Зная статистику, мы были лишены права ее оглашать. Чтобы дать на лекциях хотя бы общее представление о состоянии преступности, приходилось прибегать к ранжированию коэффициентов преступности на 100 тыс. населения в других странах и ставить СССР где-то между Польшей и ГДР. Пару раз на лекциях я получала записки с предостережением, что оглашая такие данные, я могу после лекции пойти не домой, а в другое место. Действительно, абсолютные данные о преступности относились к категории секретных сведений.

Вопрос о неправомерности засекречивания уголовной статистики в СССР стал даже предметом специального обсуждения с последующей резолюцией на одном из конгрессов ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. Грустно шутила: «У меня в жизни две главные проблемы – засекреченность уголовной статистики и недооцененность женщин». Относительно второй сложила даже пословицу: «Чтобы женщину в науке признавали равной мужчине, она должна в три раза больше него работать и, как минимум, в два раза быть умнее».

Засекреченность уголовной статистики и сохранявшаяся три десятилетия партийно-идеологическая установка, что при социализме только две причины преступности – пережитки капитализма и враждебное влияние империалистического лагеря, серьезно тормозили развитие криминологии. Даже употребляемое мною выражение «нажитки социализма» звучало как еретическое. К чему это приводило, проиллюстрирую на достаточно трагичных для меня примерах.

В 1967 г. я представила докторскую диссертацию «Преступление и преступность». Первый том посвящался проблемам уголовного права, второй – криминологии. Судьба ниспослала мне «самых-самых» оппонентов: профессора А. А. Герцензона, профессора Б. С. Никифорова (был оппонентом и по кандидатской), заместителя председателя Верховного Суда СССР Г. З. Анашкина. Неофициальным оппонентом выступил профессор С. С. Остроумов, да так

проникновенно, что пришлось «подзащитной» незаметно прослезиться (опять подвел «слабый пол»).

Но для успешной защиты надо было принести жертву «госпоже удаче» («за все надо платить», «везде коррупция»). Заплатить пришлось по-крупному. После семинара на вечернем отделении надо было отвезти А. А. Герцензону рукопись диссертации. Заехавший за мной муж «обрадовал»: воры вскрыли машину и похитили сумку с диссертацией. В ужасе поведала обо всем первому оппоненту. Мудрейший Алексей Адольфович задал только один вопрос: «Статистика преступности была?» После утвердительного ответа резюмировал: «Плохо». С тем в состоянии ограниченной вменяемости я его и покинула. Два дня пребывала в прострации, пообещав мужу, если он не найдет рукопись, разведусь с ним («чистое» объективное вменение). Попади диссертация с данными под грифом «секретно» в надлежащие органы, мне грозила ни много ни мало уголовная ответственность за разглашение государственной тайны по ст. 76 УК РСФСР.

На третий день незнакомый женский голос спросил меня по телефону, не теряла ли я чего-нибудь. Получив положительный ответ, представилась сотрудницей особого отдела института. Мое полуобморочное состояние не пожелала бы и злейшему врагу. На выручку был немедленно брошен муж. Видно, «особисты» его высокого военного ведомства сумели договориться с коллегами и рукопись вернулась.

События, по свидетельству очевидцев, разворачивались следующим образом. Укравшие добротную кожаную сумку воры быстро отнесли ее в винный отдел ближайшего гастронома. Поинтересовались содержимым, прочли название томов рукописи «Преступление и преступность» и оперативно ретировались, скинув сумку к кассе. Дирекция передала рукопись «куда следует».

Столь подробно я описываю данный эпизод не только для того, чтобы немного повеселить читателей, но и показать молодым криминологам, как нелегко работалось их предшественникам.

В 1967 г. мы со студентами проблемной группы запланировали повторить исследование профессора М. Н. Гернета, опубликованное в книге 1924 г. «Преступный мир Москвы». Книгу написали, но с публикацией опять возникли проблемы. Без санкции цензора страны – Главлита Издательство МГУ отказалось ее опубликовать даже малым тиражом. Цензор запретил публикацию скромного студенческого сборника. На аудиенции у высокого начальства мне популярно объяснили, что «данная работа очерняет наш народ». К примеру, в ней сказано, что 80 % разбойных нападений совершает молодежь до 25 лет, а это-де поклеп на наше молодое поколение. Попытки развеять сомнения беспрекословно пресекались. Так и вышел наш сборник «Сравнительное криминологическое исследование преступности в Москве 1924–1968/69 гг.» под грифом «Для служебного пользования».

В 1969 г. монографию «Преступление и преступность», уже изданную тиражом в 80 тыс. экземпляров, Мосглавлит не разрешил пускать в продажу и грозил уничтожить тираж, потому что в книге приведены абсолютные данные о преступности 20-х и 30-х годов. Пришлось пачками носить книги тех лет цензору (эту женщину до сих пор вижу в страшных снах) и показывать, что было время, когда уголовная статистика официально ежегодно публиковалась на четырех языках. Потраченных на эту «главлитовскую шизофрению» времени и здоровья хватило бы для написания еще одной монографии.

В 1981 г. я представила в Издательство МГУ монографию «Причины преступности». Рукопись уже была набрана, читатели сделали заявки на тираж более 30 тыс. экземпляров. А далее все происходило по стандартному сценарию. «Черному рецензенту» Главлит «заказал». Пришлось попросить обсудить совершенно некомпетентную рецензию на Ученом совете нашего факультета. Члены совета единогласно признали необъективность и несостоятельность рецензии и просили Издательство МГУ пустить набор в печать. За поддержку осо-

бенно благодарна тогдашним заведующему кафедрой теории государства и права профессору А. И. Денисову и декану М. Н. Марченко. После трехлетних мытарств и сокращения наиболее «острых» четырех печатных листов рукопись опубликовали под камуфляжным названием «Проблемы криминологической детерминации».

Криминологи XXI века! Цените и защищайте ч. 5 ст. 29 Конституции РФ «Цензура запрещается».

Научно-педагогический интерес для меня всегда представляла правовая компаративистика – сравнительное уголовное право и криминология. В 1980 г. вышла в свет книга «Современное уголовное право ФРГ», написанная в соавторстве с профессором университета им. Гумбольдта Л. Вельцелем. К работе прилагался впервые сделанный перевод Общей части и некоторых глав Особенной части УК ФРГ. Перевод осуществил мой дипломник – ныне небезызвестный адвокат А. Аснис. Другая проблемная группа студентов приняла участие в переводах зарубежных работ, использованных при подготовке книги «Современная буржуазная криминология» (Изд-во МГУ, 1974). Студентами же переводились новые УК Франции и Испании. В 1991 г. под моей редакцией вышла коллективная монография «Уголовное право Англии, Франции, ФРГ и США (Общая часть)».

Все более углубляющаяся интернационализация уголовно-правовых и криминологических мер борьбы с транснациональной преступностью требует ныне уделять первостепенное внимание международному уголовному праву и международной криминологии. В рамках уголовно-правовой компаративистики актуально исследование уголовного законодательства и практики его применения в странах – участницах СНГ. В 2002 г. опубликована книга «Уголовное право СНГ», соредактором которой выступил Л. Л. Кругликов. Авторы этой книги – профессора, участвовавшие в разработке Модельного УК стран СНГ 1996 г. и авторы проектов новых УК в своих государствах. На кафедре уголовного права и криминологии МГУ готовится спецкурс на тему «Уголовное право стран СНГ».

Конечно, собственных монографий могло быть и больше, чем отобрано для данной публикации. Три важных вида деятельности «конкурировали» с монографическими исследованиями. Будучи представителем вузовской (не академической или научно-исследовательской) науки надлежало перво-наперво готовить учебники и учебные пособия для студентов. По учебникам нашей кафедры до последнего десятилетия, когда книжный рынок заполнили десятки учебных изданий по уголовному праву и криминологии, готовились студенты большинства российских вузов. Наша кафедра в перерывах между лекциями, семинарами, курсовыми и дипломными работами сумела в 2002 г. издать первый в России пятитомный курс уголовного права. Первый и второй тома курса вышли еще в 1999 г. в соредакции с И. М. Тяжковой.

Другая причина – это участие в законопроектных работах по Основам уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, Модельного УК для стран – участниц СНГ, Уголовному кодексу РФ. Все они вступили в действие, за исключением Основ, принятых 2 июля 1991 г. Верховным Советом СССР, но так и не введенных в действие вследствие развала Союза по «Беловежским соглашениям». При принятии УК РФ не обошлось без острейшей борьбы двух коллективов разработчиков. В Госдуму РФ были представлены два проекта УК, существенно различавшиеся по преимуществу в нормах Общей части. Пришлось Госдуме формировать согласительную комиссию (куда была включена и я) с целью выработки единого проекта УК. Дискуссии в комиссии велись долго и упорно.³ Конструктивную роль сыграли Основы уголовного законодательства 1991 г., на две трети вошедшие в Общую часть нового российского УК.

---

³ См. подр.: Корневский Ю. Урок на завтра // Юридический вестник. 1993. № 1; Кузнецова Н. Ф. К истории проектов Уголовных кодексов Российской Федерации // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11. Право. 1995. № 2.

Для любого юриста очевидна приоритетность законотворческой работы. Если удастся воплотить свои идеи в текст закона, то большего удовлетворения для правоведа не существует, равно как и наиболее точного показателя результативности его творческих изысканий.

В ближайшей перспективе предстоит работа над теоретической моделью, а затем и официальным проектом Основ уголовного законодательства Союзного государства Белоруссии и России. Актуальным остается «онаучивание» законодательного процесса по дальнейшему совершенствованию УК, о чем четко сказано в рекомендациях Совета Федерации ФС РФ от 28 марта 2002 г., посвященных пятилетию УК РФ.

Наконец, третьей причиной, ограничившей возможность написания монографий, послужило участие в практической работе. 15 лет была народным депутатом, возглавляя Комитет по социалистической законности в райсовете Ленинского района г. Москвы. Столько же лет исполняла обязанности народного заседателя в на родных судах Ленинского и Октябрьского районов столицы. Долгие годы была членом Научно-консультативных Советов при Верховном Суде СССР, Верховном Суде России, Генеральной прокуратуре. Бесспорно, связь с практикой необходима, как воздух и, конечно, ценнее ненаписанных монографий.

Народная мудрость гласит: «Человек за свою жизнь должен построить дом, посадить дерево, вырастить ребенка, убить змею». Дом построен (пристройки на даче), деревья посажены, выращены дочь (кандидат филологических наук) и сын (кандидат экономических наук), как бабушка соучаствовала в воспитании двух внуков – Ольги и Марии, одного внука – Кирилла и даже одной правнучки – Марины (растет интеллектуалка).

Покаюсь, что по части семейных успехов больше тройки не заслуживаю. С самого начала в нашей семье функционировал жрец, а не жрица домашнего очага. Я не знала, в каком классе учатся мои дети, не проверяла их домашние задания, мало читала детских книг. Все это делал муж – Валентин Петрович Осипенко, кандидат технических наук, так и не приступивший к докторским исследованиям, хотя эмпирическая база была благодатной, ввиду чрезмерной «жреческой» загруженности. Без него я попросту не сумела бы 90 % времени отдавать профессиональной деятельности. Сын на одном из моих юбилеев прилюдно упрекнул, что своим аспирантам я уделяла больше внимания, чем родным детям. И муж оказался беспризорным. Все верно. Но режим «50 на 50» с семьей и наукой нереален для ученых, особенно вузовских.

Что касается убийства змеи, под которой понимаю преступность, то, как будто, сделано все возможное. Разработка теоретических основ советской криминологии была даже отмечена присуждением звания Лауреата государственной премии СССР. Однако, змея, увы, не только не уничтожена, но жалит все большее законопослушных россиян. Остается молиться: «Да помогут мне в оставшуюся жизнь в борьбе со змеем – преступностью мой знак Зодиака “Стрелец” и святой родившихся 9 декабря Георгий Победоносец». Оба «вооружены и очень опасны» для драконов и змей...

Закljučаю обращением к юристам – практикующим и ученым, ко всем патриотам России: «минное поле» ельцинских реформ досталось не только второму российскому президенту, но и подавляющей части россиян. Враг № 1 – преступность. Внутри нее – элитно-властная, бизнес-элитная коррупция, терроризм, организованная и насильственная преступность. Будет трудно, очень трудно ее подорвать в условиях криминализации страны, глубокого системного кризиса. Однако альтернативы существенному сокращению (не ликвидации, как думали криминологи-утописты прошлого) преступности нет, если действительно, а не декларативно мы хотим построить правовое государство.

*Доктор юридических наук,
профессор
Н. Ф. Кузнецова
Моим ученикам посвящается
Н. Кузнецова*

Часть I. Уголовное право

Значение преступных последствий для уголовной ответственности⁴

Глава 1

Понятие и значение преступных последствий

§ 1. Понятие и значение преступных последствий

Методологической основой решения проблемы преступных последствий в уголовном праве служит учение диалектического и исторического материализма о характере и роли человеческой деятельности в обществе.

Человеческую деятельность отличает от прочих видов процессов во внешнем мире ее сознательный, целенаправленный характер. В. И. Ленин писал: «2 формы *объективного* процесса: природа (механическая и химическая) и *целесолагающая* деятельность человека»⁵. Сравнивая труд как типичную форму общественной деятельности человека с работой пчелы, К. Маркс обращал внимание на то, что самый плохой архитектор отличается от наилучшей пчелы тем, что прежде чем строить ячейку из воска, он уже создает ее в своей голове⁶. Этот признак: сначала мыслить, а затем только действовать, физически отличает волевое, произвольное действие человека от непроизвольного⁷.

Примерами непроизвольной активности могут служить рефлекторные и инстинктивные движения, нервно-физической основой которых являются цепные безусловные рефлексы⁸, а также движения, в которых выражаются эмоциональные переживания человека (например, непроизвольная улыбка, сжимание кулаков).

Но если эти же движения производятся для показа отношения лица к чему-либо, они становятся волевыми, сознательными действиями⁹. Могут быть приравнены к простому телодвижению и действия душевно здорового человека. Это имеет место там, где внешние обстоятельства мешают свободному выбору поведения лица. Иногда подконтрольность действий человека сознанию хотя и не исключается полностью, но в значительной степени снижается (аффектированные действия)¹⁰.

Первой стадией человеческой деятельности является стадия принятия решения действовать определенным образом. Сюда включаются осознание побуждений, мотивировка действий, обдумывание средств, постановка цели, и завершается этот процесс принятием решения. Далее субъект переходит к физической деятельности. В основе всякого человеческого поведения лежит телодвижение (действие) или воздержание от него (бездействие). Однако телодвижение нельзя смешивать с действием, которое является понятием сложным и может включать в себя

---

⁴ © Государственное издательство юридической литературы. М., 1958.

⁵ В. И. Ленин. Философские тетради, 1947, стр. 162.

⁶ См. К. Маркс. Капитал, т. 1, стр. 185.

⁷ См. Б. М. Теплов. Психология, Учпедгиз, 1954, стр. 185.

⁸ См. П. И. Иванов. Психология, Учпедгиз, 1956, стр. 286.

⁹ Там же, стр. 2.

¹⁰ См. П. А. Шеваров. Психология, М., 1946, стр. 173.

множество телодвижений (например, при выстреле). Кроме того, чтобы одно или несколько телодвижений стали действием, они, как указывалось, должны быть осознаны человеком.

Начиная действовать, субъект создает необходимые условия для успешного выполнения своего решения. Затем он исполняет главное действие, которое и производит заранее мысленно намеченное изменение во внешнем мире. «В конце процесса труда, – указывал К. Маркс, – получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении работника, т. е. идеально»¹¹.

Подчиняясь общей закономерности, человеческие действия всегда производят различные изменения в окружающем человека мире.

«Деятельность человека, составившего себе объективную картину мира, *изменяет* внешнюю действительность...»¹² Самая деятельность человека по своему содержанию есть не что иное, как форма воздействия человека на внешний мир.

«Труд, – писал К. Маркс про наиболее распространенный вид человеческой деятельности, – есть прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой, процесс, в котором человек своей собственной деятельностью опосредствует, регулирует и контролирует *обмен* веществ между собой и природой»¹³. И далее «в процессе труда деятельность человека при помощи средства труда производит заранее намеченное изменение предмета труда. Процесс угасает в продукте»¹⁴. Следовательно, изменения во внешнем мире, произведенные действиями человека, являются обязательным, закономерным, завершающим этапом всякой человеческой деятельности.

Помимо, а нередко даже вместо желаемого результата могут наступить и другие, нежелаемые последствия. Ф. Энгельс писал по этому поводу: «Действия имеют известную желательную цель; но результаты, вытекающие из этих действий, часто вовсе не желательны. А если они, по-видимому, и соответствуют желанной цели, то, в конце концов, они несут с собою далеко не одно то, что было желательно... Очень часто эти последствия прямо противоположны желаниям деятелей»¹⁵.

Между целью, действием и результатом существуют определенные соотношения и взаимозависимость. По отношению к цели действие выступает в роли средства достижения этой заранее поставленной цели. К. Маркс указывал: «Работник... осуществляет в то же время и свою сознательную цель, которая *как закон определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинять свою волю*» (курсив наш. – Н. К.).

Результат является реализацией, воплощением в жизнь цели деятельности человека. Цель – это идеальное представление в сознании человека конечного результата его деятельности. Действие, являясь средством осуществления цели, выступает тем самым и как средство достижения определенного результата.

«Результат действия есть проверка субъективного познания и критерий истинно-сущей объективности»¹⁶.

Таким образом, человеческая деятельность характеризуется следующими основными чертами: 1) действие (бездействие) человека всегда волимо, то есть мотивированно и целенаправленно. Действиями признаются лишь те телодвижения, на которых лежит, по выражению Ф. Энгельса, печать воли человека; 2) действие никогда не производится само для себя, как самоцель. Оно всегда выполняет функции средства достижения определенного, заранее

¹¹ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 185.

¹² В. И. Ленин. Философские тетради, 1947, стр. 189; К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 184.

¹³ Там же, стр. 187.

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIV, стр. 657–668.

¹⁵ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 185.

¹⁶ В. И. Ленин. Философские тетради, 1947, стр. 190.

намеченного результата; 3) действие является формой воздействия человека на внешний мир. Поэтому всякое действие производит в предмете (объекте) деятельности какие-то изменения и является причиной этих изменений; 4) помимо желаемого результата человеческая деятельность производит ряд побочных, иногда даже нежелательных результатов; 5) результат и цель – взаимосвязанные понятия. Результат является целью, реализованной в конце посредством действия, направленного на выполнение этой цели; 6) результат и действие являются объективными критериями содержания воли человека, цели и мотивов его деятельности.

Указанные признаки всякой человеческой деятельности присущи и такому ее виду, как преступление. Поэтому там, где нет действия в психологическом, философском его понимании, там не может быть и речи о преступлении. Например, А. спотыкается об арбузную корку и сталкивает стоящую рядом женщину под трамвай. А. не может отвечать за неосторожное убийство, так как в данном случае имело место непроизвольное, импульсивное телодвижение. Не действует в психологическом смысле слова и субъект, который под влиянием непреодолимой силы оказался лишенным возможности свободно, волею выбирать форму своего поведения.

Понятие преступного деяния уже понятия человеческой деятельности вообще: оно ограничивается по линии субъекта (деятеля) и по содержанию. В уголовно-правовом смысле может действовать лицо, начиная только с четырнадцатилетнего и реже – с двенадцатилетнего возраста. По своему содержанию преступное деяние отличается от прочих видов человеческой деятельности наличием общественной опасности.

Преступные же последствия – это *вредные с точки зрения господствующего класса изменения в охраняемых уголовным законодательством общественных отношениях, производимые преступным действием или бездействием субъекта.*

Если определять преступные последствия в плане состава преступления, разделяя единое действие на объективную и субъективную стороны, *преступные последствия по советскому уголовному праву* следует определить как *вредные с точки зрения интересов государства рабочих и крестьян изменения в охраняемых советским уголовным законодательством отношениях, производимые общественно опасным и виновным действием (бездействием) субъекта.*

Преступное последствие является связующим звеном между объектом и преступным действием¹⁷. Поэтому преступное последствие характеризуется, с одной стороны, преступным действием, а с другой – объектом посягательства. Остановимся прежде на соотношении преступного последствия и действия.

* * *

Преступному действию присущи все признаки, которые характеризуют действие в его философском, психологическом понимании. Но преступное действие обладает, кроме того, и специфическими чертами, раскрытие которых является одной из задач криминалистов. Авторы учебника по уголовному праву 1948 года определяли действие и бездействие следующим образом: «Преступление является действием или бездействием *данного лица*, т. е. непосредственным или посредственным результатом выражения во внешнем мире его воли»¹⁸. Аналогичное определение преступного действия дается в учебном пособии по уголовному праву 1952 года¹⁹. Однако такая характеристика преступного действия говорит лишь о том, что оно

¹⁷ См. А. Н. Трайнин, Состав преступления по советскому уголовному праву, 1951, стр. 189–203; Б. С. Никифоров. Об объекте преступления, «Советское государство и право», 1948 г., № 9.

¹⁸ «Уголовное право, часть общая». М., 1948, стр. 298.

¹⁹ См. «Советское уголовное право, часть общая», М., 1952, стр. 183. См. также рецензию на эту книгу, «Вестник Мос-

только вид человеческого действия вообще и не больше. Специфика преступного действия здесь не отражена.

Более подробно определяет преступное действие проф. Дурманов в монографии «Понятие преступления»: «...действие, образующее преступление, отличается следующими чертами: 1) оно является сознательной деятельностью, направляемой на определенный объект, 2) оно охватывает всю совокупность конкретных актов поведения, направленных на объект действия, 3) оно охватывает собою не только телодвижения человека, но и те силы, которыми он пользуется, и те закономерности, которые он использует, 4) действие всегда предполагает совершение его в определенных условиях места, времени и обстановки»²⁰.

Но приведенное определение действия вызывает ряд замечаний. Прежде всего указанные признаки не отражают специфики собственно преступного действия. Кроме того, совокупность актов, направленных на объект, может быть не только действием, «образующим преступление», то есть действием исполнения преступления, но и действием, не образующим самое преступление, например, общественно опасным приготовлением к преступлению, подстрекательством, пособничеством, укрывательством. Неправильно включать в понятие действия силы, которые использует лицо в своей деятельности, а тем более закономерности объективного мира. Действия человека зависят от его воли, закономерности же внешнего мира от воли и сознания человека независимы. Так, при убийстве огнестрельным оружием человек использует законы действия этого оружия. Но ни само оружие, ни взрыв пороха в таком случае не становятся частью именно человеческого действия, которое ограничивается сознательным телодвижением или воздержанием от определенного телодвижения (при бездействии). Человек, который в своей деятельности недостаточно учитывает независимость и объективность внешних сил, не может достичь поставленной цели.

«Неисполнение целей (человеческой деятельности) имеет своей причиной (*Grund*) то, что реальность принимается за несуществующую (*nichtig*), что не признается ее (реальности) объективная действительность»²¹, — писал В. И. Ленин.

Специфика преступного действия состоит в его *общественной опасности*. «Общественно-опасным признается всякое действие или бездействие, направленное против Советского строя или нарушающее правопорядок, установленный Рабоче-Крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период времени» (ст. 6 УК²²). Статью 6 УК надо понимать как в смысле объективной, так и субъективной направленности действий на причинение ущерба социалистическим общественным отношениям, охраняемым уголовным законодательством.

Объективная направленность действий на причинение ущерба социалистическому строю или правопорядку выражается как в создании условий для последующего причинения ущерба (приготовление, подстрекательство, пособничество, создание воровской шайки), так и в прямом причинении преступного ущерба. Субъективная же направленность должна пониматься как виновное отношение лица к его общественно опасной деятельности и ее последствиям²³.

ковского университета», 1954 г., № 1, стр. 140.

²⁰ Н. Д. Дурманов. Понятие преступления, М.-Л., 1948. стр. 54.

²¹ В. И. Ленин. Философские тетради, 1947, стр. 189.

²² Здесь, как и в дальнейшем изложении, имеются в виду, если не оговорено иное, статьи Уголовного кодекса РСФСР, а также и соответствующие статьи одноименных кодексов союзных республик.

²³ Иначе толкует ст. 6 УК В. Г. Макашвили, который понимает направленность действия против социалистического строя и правопорядка с точки зрения субъективной стороны в плане прямого умысла. Поэтому В. Г. Макашвили полагает, что ст. 6 УК имеет в виду лишь объективную направленность действий на причинение ущерба социалистическим общественным отношениям, а отсюда лишь объективную общественную опасность преступных деяний. Исходя из такого толкования ст. 6. УК он предлагает в будущих уголовных кодексах включить в определение преступных действий указание на вину, чтобы охватить и неосторожные преступления. (См. В. Г. Макашвили. Некоторые вопросы вины в советском уголовном законодательстве, «Советское государство и право». 1952 г., № 1, стр. 39–40).

Понятие общественной опасности деяния только в плане объективной направленности его на причинение ущерба социалистическим общественным отношениям иногда употребляется в законодательстве и в теории. Так, законодатель в ст. 10 УК говорит: «В отношении лиц, совершивших общественно-опасные действия, меры социальной защиты судебно-исправительного характера применяются лишь в тех случаях, когда эти лица... действовали умышленно или по неосторожности» (курсив наш. – Н. К.). Здесь для более рельефного выделения признаков субъективной стороны преступления законодатель вкладывает в понятие общественной опасности лишь объективную вредность действий.

Преступное действие, как уже отмечалось, включает в себя объективные и субъективные признаки. Однако в целях научного анализа теория уголовного права отдельно рассматривает объективную и субъективную стороны преступного деяния. В этих случаях, говоря о действии как элементе объективной стороны состава, мы имеем в виду лишь его объективную общественную опасность, объективное причинение преступного ущерба.

Такое двоякое понимание общественной опасности отразилось и в конструировании теоретиками-криминалистами понятия преступления. Так, авторы учебного пособия по общей части уголовного права 1952 года определяют преступление как «...опасное для социалистического государства или социалистического правопорядка противоправное, виновное, наказуемое действие или бездействие»²⁴. Общественная опасность и виновность в этом определении приведены как два отдельных самостоятельных признака преступного деяния. А. А. Герцензон²⁵ и Н. Д. Дурманов²⁶ определяют преступление как общественно опасное, противоправное и антиморальное деяние. Эти авторы, таким образом, включают в понятие общественной опасности и субъективные признаки деяния, виновность.

Думается, что последнее определение преступления больше соответствует содержанию ст. 6 УК. Тем более что авторы учебного пособия по уголовному праву 1952 года в толковании общественной опасности оказываются непоследовательными. Так, на стр. 170 и 180 авторы пособия пишут: «Общественная опасность деяния есть социально-политическая характеристика деяния в целом» (курсив наш. – Н. К.).

При анализе же элементов состава преступления они рассматривают общественную опасность только лишь как элемент объективной стороны состава преступления в разделе о преступном действии²⁷.

Общественная опасность является содержанием преступного действия. Общественно опасное действие имеет две взаимосвязанные стороны. С одной стороны, всякое преступное действие есть воплощение преступной воли лица, его вины (субъективная общественная опасность), а с другой – действие – причина общественно вредных изменений в охраняемых уголовным законодательством социалистических общественных отношениях (объективная общественная опасность). Во всех случаях преступное последствие – это результат, порожденный общественно опасным, преступным действием субъекта. При этом последствие не является элементом самого действия.

Проф. Н. Д. Дурманов смешивает понятия действия и результата, когда пишет, что «всякого рода воздействие на объект, хотя бы оно и производило некоторые несущественные изменения в объекте, должно быть отнесено к действию. Изменения качественного порядка (соответствующие описанным в диспозиции закона) образуют результат»²⁸. Для иллюстрации Н. Д. Дурманов приводит пример с покушением на убийство, когда жертва получила тяжелые

²⁴ «Советское уголовное право, часть общая». М., 1952, стр. 154.

²⁵ См. А. А. Герцензон. Понятие преступления в советском уголовном праве, М., 1955.

²⁶ См. Н. Д. Дурманов. Понятие преступления, М.-Л., 1948, стр. 57.

²⁷ См. Г. Кригер, Н. Кузнецова, Б. Леонтьев, В. Орлов. Об ошибочном освещении ряда вопросов в вузовском учебнике по общей части советского уголовного права, «Вестник Московского университета». 1954 г., № 1, стр. 140.

²⁸ Н. Д. Дурманов. Понятие преступления, М.-Л., 1948, стр. 57.

ранения. Тяжкое телесное повреждение Н. Д. Дурманов не считает преступным последствием, так как оно не представляет собой качественного изменения в объекте.

Приведенное положение проф. Дурманова было подвергнуто в нашей литературе справедливой критике²⁹. В частности, проф. Трайнин отмечал, что вряд ли можно признавать тяжкое телесное повреждение не качественным изменением в объекте и потому не преступным последствием действий лица. Стоит лишь изменить содержание умысла (виновный имел умысел на причинение тяжких телесных повреждений), как то же самое последствие приобретает качественный характер.

Как указывалось выше, в основе всякого преступного действия лежит подконтрольное сознанию, мотивированное физическое телодвижение или воздержание от него (при бездействии). Лицо может в любой момент прекратить или изменить свое поведение. Последствия же относятся к сфере внешнего мира. Они являются общественно вредными *изменениями в объекте* посягательства.

Влияние на судьбу преступных последствий со стороны определенного лица ограничивается совершением сознательных действий. Последующее объективное развитие событий от него не зависит. Именно этим следует объяснить отмеченную Ф. Энгельсом закономерность, когда действия человека не вызывают желательных результатов, а иногда, наоборот, вызывают нежелательные последствия³⁰. Именно потому, что наступление преступного результата не является элементом действия, а относится к сфере внешнего мира, возможны покушения и приготовления, а также и неосторожные преступления.

С точки зрения соотношения с преступным действием последствие является общественно вредным результатом, *причиненным виновным, объективно общественно опасным действием субъекта* (то есть лица, достигшего возраста уголовной ответственности).

Верховный Суд СССР 30 апреля 1955 г. по делу М. установил в качестве общего положения, что «обвиняемый может нести уголовную ответственность за наступившие последствия только в том случае, если они явились результатом его вины, умышленной или неосторожной».³¹

Вина и преступный результат тесно связаны между собой. Вина есть психическое отношение лица в форме умысла и неосторожности к *общественно вредным последствиям* его действий. А преступными последствиями признаются лишь такие результаты действий человека, которые были причинены *виновно*. И вина, и результат одинаково необходимы для состава преступления. Какое бы то ни было противопоставление вины и преступного результата недопустимо. «Исходя из общих принципов нашего уголовного права, – пишет, например, М. Д. Шаргородский, – мы полагаем, что субъект отвечает не за результат действия, а за вину... Квалификация действий от наступления или ненаступления результата зависеть не должна, она определяется виной субъекта»³².

Основания для подобного утверждения М. Д. Шаргородский видит в одинаковой наказуемости по советскому уголовному праву приготовления, покушения и оконченного преступления. Основание неубедительное. Советскому уголовному праву неизвестна ответственность за голый умысел, за простую вину. Приготовление и покушение являются общественно опасными, виновными *действиями*. Основания ответственности их подобны основаниям ответственности за оконченное преступление³³.

²⁹ См. А. Н. Трайнин. Общее учение о составе преступления, М., 1957, стр. 141–142; Т. В. Церетели. Причинная связь в уголовном праве, Тбилиси, 1957, стр. 22–23.

³⁰ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIV, стр. 667.

³¹ «Судебная практика Верховного Суда СССР». 1955 г., № 4, стр. 9.

³² М. Д. Шаргородский. Преступления против жизни и здоровья, Л., 1948, стр. 384–385.

³³ См. подробнее § 4 гл. II настоящей работы.

Непреложным принципом советского уголовного права является вменение в ответственность последствий только тогда, когда между ним и преступным действием имеется *причинная связь*. Это положение признается всеми советскими криминалистами за исключением М. Д. Шаргородского, который допускает возможность вменения преступного результата без причинной связи, а именно, когда субъект бездействовал³⁴. Однако его точка зрения опровергается законодательством, судебной практикой (см., например, дела об ответственности за халатность) и теорией советского уголовного права³⁵.

Действия, находящиеся в причинной связи с преступным результатом, должны быть *объективно общественно опасными*, то есть как *условие* или *причина быть направлены* на производство в объекте общественно вредных изменений. В отношении действия, которое не было объективно общественно опасным, не может ставиться вопрос о причинной связи с вредным результатом, хотя бы последний в конце концов и наступил.

К. поднял пьяного Б. и поставил его на ноги с тем, чтобы последний отправился домой. Когда К. ушел, Б., проделав несколько шагов в прямом направлении, резко свернул затем в сторону мостовой и попал под машину³⁶. Действия К. не были объективно общественно опасными: они не создавали условий и не причиняли смерти. Они создавали условия лишь для полезного результата. Поэтому в отношении этих действий не может ставиться вопрос о причинной связи с последовавшим ущербом. Всякое исследование причинной связи должно прекращаться, если действие не было объективно общественно опасным.

Иванов задумал убить Петрову и послал ее с этой целью на морской курорт. Иванов надеялся, что не умеющая плавать Петрова утонет в море. Так и случилось. Иванов не будет отвечать за убийство, но не потому, как полагает А. Н. Трайнин, приведя этот пример, что здесь имела мизерная причинная связь³⁷, а потому, что его действия не были объективно общественно опасными и, следовательно, не может ставиться вопрос об их причинной связи с ущербом.

С количественной точки зрения действие и результат могут находиться в следующем соотношении: одно действие и одно последствие (простые преступления), два и более действия и одно последствие (сложные преступления), одно действие и несколько последствий (идеальная совокупность преступлений).

* * *

Определение преступного результата как следствия преступных действий не дает еще полного представления о его содержании. Правильно писал Б. С. Никифоров, что для доказательства уголовно-правовой квалификации преступного последствия его необходимо рассматривать не только в связи с причинившим действием (ответить на вопрос, последствие чего), но также и в связи с объектом посягательства (ответить на вопрос, чему именно причинил субъект ущерб)³⁸.

Преступные последствия есть вредные для социалистического правопорядка *изменения общественных отношений*. Отмечая классовый характер понятия вредного последствия,

³⁴ См. М. Д. Шаргородский. Некоторые вопросы причинной связи в теории права, «Советское государство и право», 1956 г., № 7, стр. 50.

³⁵ См. Н. Д. Дурманов. Понятие преступления, М.-Л., 1948, стр. 54–55; А. Н. Трайнин. Состав преступления по советскому уголовному праву, 1951, стр. 122–123; В. Ф. Кириченко. Значение ошибки по советскому уголовному праву, 1951, стр. 63; «Советское уголовное право, часть общая». М., 1952, стр. 195.

³⁶ См. «Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР» (1938 года и первое полугодие 1939 года), М., 1940, стр. 104.

³⁷ См. А. Н. Трайнин. Состав преступления по советскому уголовному праву, М., 1951, стр. 116–117.

³⁸ См. Б. С. Никифоров. Об объекте преступления, «Советское государство и право». 1948 г., № 9, стр. 47.

в частности в составе лесонарушений, К. Маркс писал: «Что же такое вредные последствия? Вредно то, что приносит вред интересу лесовладельца»³⁹.

Преступные последствия являются общественно вредными изменениями в объектах, охраняемых социалистическим уголовным правом. Изменения в предметах посягательства, хотя бы они были повреждены или даже вовсе уничтожены (уничтожение и повреждение имущества в составе ст. 79 УК), имеют значение лишь доказательства вредных изменений в объекте. Правильно писал В. Н. Кудрявцев, что уголовный закон охраняет не вещи и предметы сами по себе, а те общественные явления, которые служат объектами посягательства и что поэтому последствием в качестве элемента состава может быть признан лишь ущерб, причиненный объекту посягательства⁴⁰.

К сожалению, далее автор отступает от этого правильного положения и пишет о преступных последствиях, причиненных предмету посягательства, и даже конструирует причинную связь между действиями лица и изменениями в предмете преступления⁴¹. Нельзя согласиться и с утверждением Н. Д. Дурманова, что «под последствиями советское уголовное законодательство понимает не только *изменения в предметах*, но и изменения общественных отношений...»⁴² (курсив наш. – Н. К.).

Общественно опасное действие обычно производит множество вредных последствий. Но среди них только *одно*, если нет повторности или совокупности преступлений, является *элементом состава*. Преступное последствие – *элемент состава* – это общественно вредные изменения, произведенные преступными действиями лица не в любом, охраняемом уголовным законодательством объекте, а именно *в объекте посягательства*. Все остальные вредные последствия не являются элементом данного состава: они либо причинены еще на предыдущих стадиях приготовления или исполнения, либо следуют после окончания преступления. При наличии вины они учитываются как отягчающие наказуемость обстоятельства.

Например, в результате того, что А. оклеветал Б., последний лишился работы, был исключен из общественных организаций, начался разлад в семье и, наконец, он тяжело заболел. Из всех этих вредных последствий, причиненных клеветой, только одно, а именно то, что Б. был опозорен, является последствием – элементом состава клеветы.

При ранении жертвы в результате покушения на убийство телесные повреждения не являются преступным последствием – элементом состава убийства, хотя и не теряют качества преступного последствия вообще. Это последствие учитывается при индивидуализации наказания за покушение на убийство как отягчающее ответственность обстоятельство. При квалификации же оно, естественно, не учитывается.

А. Н. Трайнин называет эту особенность преступных последствий – элементов состава находиться в постоянном окружении многочисленных иных последствий, отстоящих на разном расстоянии от первоначального человеческого акта – «относительностью»⁴³. Термин сам по себе неудачный. Он дает почву для толкования его как относительность содержания элемента состава⁴⁴. Конечно, последствие, как всякий иной элемент состава, достаточно конкретно и определено. Поэтому правильнее различать преступные последствия – *элементы*

³⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. I, 1955, стр. 146.

⁴⁰ См. В. Н. Кудрявцев. О соотношении предмета и объекта преступления по советскому уголовному праву «Труды Академии», 1951, вып. XIII, стр. 66.

⁴¹ См. там же, стр. 69, 70.

⁴² Н. Д. Дурманов. Понятие преступления, М.-Л., 1948 стр. 59.

⁴³ См. А. Н. Трайнин. Состав преступления по советскому уголовному праву, М., 1951, стр. 195. В последнем издании монографии о составе А. Н. Трайнин называет указанную особенность последствий «условностью» («Общее учение о составе преступления», М., 1957, стр. 144).

⁴⁴ См. критику этого понятия Н. Д. Дурмановым в монографии «Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву», М., 1955, стр. 39.

состава и преступные последствия, виновно причиненные общественно опасными действиями лица, не являющиеся элементом состава, но учитываемые судом при индивидуализации наказания как *отягчающие ответственность обстоятельства*.

Изменения в объекте посягательства бывают двух видов: в виде нанесения *фактического ущерба* социалистическим общественным отношениям и в виде *создания опасности, реальной возможности* нанесения фактического ущерба. Фактический ущерб – это материальный ущерб, ущерб в политической, идеологической, моральной областях общественных отношений. Там, где внешне объект представлен какими-либо физическими предметами, ущерб поддается точному измерению в определенных единицах (рублях, метрах, килограммах и т. п.). Ущерб в политической, моральной сферах не поддается такому точному измерению⁴⁵, хотя и он может быть более или менее общественно опасным. Доказательством этого может служить факт прекращения дел о таких преступлениях за малозначительностью ущерба по примечанию к ст. 6 УК (например, по делам о самоуправстве, спекуляции, превышении власти, подлоге и др.).

Так, А., работая директором научно-экспериментальной базы, превысил свои служебные полномочия, издав незаконный приказ о выселении М. из занимаемой ею комнаты. Верховный Суд РСФСР прекратил дело по обвинению А. по ч. 1 ст. 110 УК за малозначительностью по примечанию к ст. 6 УК⁴⁶.

Другой вид преступных последствий – *создание опасности причинения конкретного, реального ущерба* встречается в уголовном законодательстве и в судебной практике редко. Таковы, например, создание опасности причинения аварий, простоев, повреждений пути и т. п. (ст. 59^{3в} УК), опасность причинения тяжкого ущерба деятельности государственных и общественных органов (ст. 109 УК), опасность причинения вреда работнику в результате нарушения правил технической безопасности (ч. 3 ст. 133 УК), опасность причинения вреда вследствие нарушения правил безопасности в угольных и сланцевых шахтах (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 14 февраля 1953 г. «Об усилении уголовной ответственности за нарушение правил безопасного ведения работ в угольных и сланцевых шахтах»), создание опасности причинения смерти (ч. 1 ст. 142 УК) и т. д.

В советском уголовном праве в отличие от буржуазного⁴⁷ возможность наступления ущерба не подразделяется на абстрактную, лежащую за составом и не доказываемую судом, и конкретную, входящую в состав и потому доказываемую судом. Реальная опасность ущерба по советскому праву всегда объективна, конкретна и является последствием – элементом состава, доказать который обязан суд лишь тогда, когда он прямо предусмотрен в диспозиции соответствующей статьи закона.

Мнения советских криминалистов в оценке создания опасности разделились. Одни криминалисты, например Н. Д. Дурманов⁴⁸, М. Д. Шаргородский⁴⁹, М. А. Шнейдер⁵⁰, Н. В. Лясс⁵¹,

⁴⁵ Ущерб безопасности движения на транспорте в виде простоя измеряется в количестве часов простоя (вагоно-часов).

⁴⁶ «Архив Верховного Суда РСФСР» 1956 г., дело № 4-Дб-пр-146. Правильно пишет П. И. Гришаев, что в тех случаях, когда неповиновение власти по своему характеру было малозначительным и не нанесло существенного вреда правильной деятельности органов власти, должно применяться примечание к ст. 6 УК. («Преступления против порядка управления, общественной безопасности и общественного порядка», М., 1957, стр. 48).

⁴⁷ См. например: W. Rohland. Gefahr im Strafrecht, Dorpat, 1886; C. П. Мокринский. Наказание, его цели и предположения, т. II. Томск, 1902, стр. 330–395; P. Merkel. Grundriß des Strafrechts, т. I, 1927, Bonn, S. 47; R. Hippel. Deutschen Strafrecht, Berlin, 1930; E. Wolf. Die Typen der Tatbestandsmäßigkeit, Fest-schrift für Max Pappenheit, Breslau, 1931, S. 424–426.

⁴⁸ См. Н. Д. Дурманов. Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву, М., 1955, стр. 40.

⁴⁹ См. М. Д. Шаргородский. Некоторые вопросы причинной связи в теории права, «Советское государство и право» 1956 г. № 7, стр. 40.

⁵⁰ См. М. А. Шнейдер. Преступления против трудовой дисциплины на транспорте, М., 1948, автореферат кандидатской диссертации.

⁵¹ См. Н. В. Лясс. Стадии преступной деятельности по советскому уголовному праву, М., 1952, автореферат кандидатской

не считают опасность причинения ущерба видом преступных последствий. Противоположной точки зрения придерживаются А. Н. Трайнин⁵², Т. В. Церетели⁵³, Б. С. Никифоров⁵⁴, В. Н. Кудрявцев⁵⁵ и др.

По нашему убеждению, правильной является вторая точка зрения. Она прямо соответствует закону. Так, Указ от 14 февраля 1953 г. «Об усилении уголовной ответственности за нарушение правил безопасного ведения работ в угольных и сланцевых шахтах» в ч. 1 ст. 1 говорит:

«Установить, что нарушение руководящими, инженерно-техническими работниками, горными мастерами (десятьниками) правил технической эксплуатации и правил безопасности в действующих и строящихся угольных и сланцевых шахтах, если в результате такого нарушения *могут наступить тяжёлые последствия*» (курсив наш. – Н. К.). Часть 2 ст. 2 того же Указа карает за аналогичные нарушения правил техники безопасности со стороны рабочих и служащих, «если в результате такого нарушения могут наступить тяжёлые последствия».

В ст. 109 УК после подробной характеристики действия злоупотребления властью законодатель описывает последствия, *в числе которых названа возможность причинения тяжёлых последствий*. Статья 59^{3в}, ч. 3 ст. 133 УК после указания на нарушение соответственно дисциплины на транспорте и правил безопасности труда, *затем отдельно* перечисляют преступные последствия – реальное причинение ущерба или *возможность* его причинения.

В руководящем постановлении от 9 февраля 1951 г. № 2/5/У «О квалификации прогула без уважительных причин, совершенного работниками железнодорожного и водного транспорта» Пленум Верховного Суда СССР устанавливает в качестве единственного критерия разграничения прогула и преступления, предусмотренного ст. 59^{3в} УК, признак *создания* опасности безаварийному движению транспорта в результате невыхода работника транспорта на работу.

В этом руководящем постановлении было выдвинуто в качестве общего положения, относящегося к доказательству всех видов создания опасности причинения ущерба, что «вопрос о возможности наступления таких последствий (указанный в ст. 59^{3в} УК. – Н. К.), должен решаться судом на основе тщательного разбора конкретных фактических данных каждого дела»⁵⁶.

Реальная возможность причинения ущерба содержит все признаки преступного последствия. Во-первых, она причиняется виновно преступными действиями субъекта и, во-вторых, является общественно вредным изменением в объекте посягательства. Первый признак очевиден. А для доказательства второго достаточно сравнить состояние объекта посягательства до совершения преступных действий и после них. В последнем случае внешняя обстановка меняется. Появляются реальные, вполне конкретные условия, силы, которые при последующем беспрепятственном их развитии должны вылиться в прямой ущерб. До совершения преступных действий такого качественно нового состояния соответствующих общественных отношений не было.

П., работающая компрессорщицей в угольной шахте, не дождалась сменщицы и ушла домой, оставив компрессор в тот момент, когда вторая смена поднималась на поверхность.

диссертации, стр. 285.

⁵² См. А. Н. Трайнин. Общее учение о составе преступления, М., 1957, стр. 148–150.

⁵³ См. Т. В. Церетели. Причинная связь в уголовном праве, 1948, автореферат докторской диссертации, стр. 2–3; Причинная связь в уголовном праве, Тбилиси, 1957, стр. 28.

⁵⁴ См. Б. С. Никифоров. Об объекте преступления, «Советское государство и право». 1948 г., № 9.

⁵⁵ См. В. Н. Кудрявцев. О соотношении предмета и объекта преступления по советскому уголовному праву, Труды Академии, 1951, вып. XIII, стр. 69.

⁵⁶ «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1951 г. № 4, стр. 2.

В оставшейся на весу клетки находилось шесть рабочих. Остановка клетки на весу угрожала их жизни, так как трос от внезапной остановки мог оборваться. Такая же опасность угрожала и другим рабочим, стоявшим в шахте в ожидании подъема на поверхность. Рабочие просидели в кабине 20 минут, а потом с опасностью для жизни выбрались через крышу кабины.

Народный суд первого участка г. Ахалцихе Грузинской ССР с полным основанием осудил П. за создание опасности причинения тяжелых последствий по ч. 1 ст. 2 Указа от 14 февраля 1953 г. «Об усилении уголовной ответственности за нарушение правил безопасного ведения работ в угольных и сланцевых шахтах».

В настоящем деле достаточно сравнить состояние объекта – безопасности ведения работ в шахте – до и после совершения действий П., чтобы убедиться в том, что объект в результате этих действий претерпел общественно вредные изменения. Появились конкретные условия, содержащие реальную возможность причинения ущерба жизни и здоровью шахтеров. При последующем развитии эта возможность могла бы прямо реализоваться в ущерб. Ничего подобного до преступных действий виновной не было. Состояние безопасности работы в угольной шахте было нормальным, без каких-либо отклонений.

Создание опасности причинения вреда нельзя признавать свойством действия, как это делают Н. Д. Дурманов, М. Д. Шаргородский и др. Действие – сознательное, мотивированное телодвижение (или воздержание от него при бездействии) человека, полностью подконтрольное его сознанию. В любой момент лицо может прекратить или изменить свои действия. Опасность же – это определенное *состояние объекта* в результате общественно вредных изменений в нем, произведенных преступным действием субъекта. Последствия в виде создания опасности (возможности) причинения ущерба объекту, если действия лица уже завершены, не подконтрольны больше его воле. Опасность создана действием, но лежит за пределами действия.

Поэтому в тех составах, где создание опасности причинения определенного ущерба образует оконченное преступление (ст. ст. 59^{3в}, 109, ч. 3 ст. 133 УК), *квалификация* деяния как *оконченного преступления* не меняется от того, что само лицо или другие лица устраняют созданную ранее опасность. Добровольное предотвращение реального ущерба при созданной опасности рассматривается в таких случаях как смягчающее наказуемость обстоятельство.

По делу М. Пленум Верховного Суда СССР указал: «не может влиять на квалификацию инкриминируемых М. действий по ч. 1 ст. 56^{30а} УК УССР (ч. 1 ст. 59^{3в} УК РСФСР. – Н. К.) и то обстоятельство, что недопущением его к работе была фактически устранена угроза безопасности движения поездов»⁵⁷.

Если считать создание опасности причинения ущерба свойством действия, то практически невозможно будет различить действие – нарушение, например, трудовой дисциплины на транспорте – и действие – тоже нарушение дисциплины на транспорте, но уже наказуемое по ст. 59^{3в} УК. Всякое действие, связанное с нарушением безопасности на транспорте, в угольных и сланцевых шахтах, горных работах и т. п., содержит абстрактную возможность⁵⁸, опасность причинения вреда жизни и здоровью граждан. Но совершение одних лишь этих действий недостаточно для ответственности по ст. ст. 59^{3в}, 108, 109, ч. 3 ст. 133 УК и др. Необходимо доказать, что этими действиями была создана *реальная возможность* причинения указанного в законе ущерба.

Как показывает практика по делам о транспортных преступлениях, преступлениях в области безопасности труда и т. п., именно по *вредным последствиям* (в виде ли реального причинения ущерба или опасности его причинения) проходит граница между дисциплинар-

⁵⁷ «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1949 г. № 2, стр. 12.

⁵⁸ См. «Категории материалистической диалектики» под редакцией М. М. Розенталя и Л. М. Штрекса, Госполитиздат, 1956, стр. 257–260.

ным проступком и преступлением. Так, по делу Б. и др. Верховный Суд СССР в определении от 9 января 1952 г. указал: «Для применения к ним ст. 59^{3в} УК РСФСР *недостаточно* того, что они являются работниками транспорта и *незаконные их действия или бездействия относятся к нарушениям трудовой дисциплины*. Нарушение трудовой дисциплины работником транспорта должно квалифицироваться по ст. 59^{3в} УК в случаях, если *эти нарушения повлекли или могли повлечь за собой последствия*, предусмотренные в диспозиции этой статьи»⁵⁹ (курсив наш. – Н. К.).

Как видно из приведенного определения, Верховный Суд СССР четко проводит различие между действием – нарушением трудовой дисциплины на транспорте и последствием – фактическим ущербом или возможностью его причинения.

Судебная практика одинаково оценивает как виды последствий – фактический ущерб и возможность его причинения. По делу П.-Т. Верховный Суд СССР указал, что «для применения ст. 108⁶⁰ УК необходимо установить, что допущенные нарушения повлекли за собой взрыв или пожар во взрывоопасном предприятии *либо* угрожали такими последствиями. То, что П.-Т. бросила электродетонаторы в озеро, не могло вызвать вышеуказанные последствия»⁶¹ (курсив наш. – Н. К.).

Конечно, при прочих равных условиях опасность причинения ущерба и фактическое причинение ущерба различаются по степени общественной опасности. Первое последствие менее общественно опасно, нежели второе. Поэтому законодатель в сравнительно немногих составах, обычно там, где идет речь о жизни и здоровье граждан (ст. ст. 59^{3в}, 59^{3б}, 108¹, 109, ч. 3 ст. 133, ст. 156 УК и др.), считает преступления оконченными с момента создания опасности причинения фактического ущерба.

* * *

Преступное последствие наиболее полно и наглядно характеризует общественную опасность всякого преступления. Признание действия преступным зависит от того, наносит ли существенный ущерб, вред тем или иным интересам социалистического общества, интересам строительства коммунистического строя данное деяние. «Именно потому, – справедливо пишет Б. С. Никифоров, – что правонарушения, с которыми ведет борьбу советское уголовное право, причиняют социалистическим общественным отношениям существенный вред, они, в отличие от других правонарушений, именуются преступлениями»⁶².

Если же в изменившейся социально-политической обстановке наносимый советскому обществу вред уже не может рассматриваться как существенный, требующий уголовной наказуемости лица за его причинение, деяние перестает быть преступным.

Именно в силу своей значительной роли для характеристики общественной опасности деяния преступные последствия являются главным признаком, отграничивающим преступление от иных видов правонарушений – административных, гражданско-правовых и амораль-

⁵⁹ «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1952 г. № 4, стр. 16. Правильно признают видом преступных последствий по ст. 59^{3в} УК создание опасности причинения аварий, простоев и т. д. авторы Курса советского уголовного права А. А. Пионтковский и В. Д. Меньшагин. «Уголовная ответственность по ст. 59^{3в} УК, – пишут они на стр. 302, – наступает лишь в тех случаях, когда доказано, что наступление вредных последствий или *создание возможности наступления вредных последствий* явилось *результатом нарушения* работником транспорта трудовой дисциплины на транспорте, то есть когда установлена причинная связь между нарушением трудовой дисциплины и наступлением (или созданием возможности наступления) вредных последствий, указанных в ст. 59^{3в} УК» (курсив наш. – Н. К.).

⁶⁰ «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1952 г. № 9, стр. 17.

⁶¹ «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1952 г. № 9, стр. 17.

⁶² Б. С. Никифоров. Объект преступления по советскому уголовному праву, М., 1956, автореферат докторской диссертации, стр. 8.

ных. Правильно пишет Б. С. Никифоров, что уголовное право отличается от иных отраслей права не тем, что оно регулирует и *охраняет другие* отношения, а тем, что оно охраняет их от *существенного вреда*⁶³.

При расследовании дела или рассмотрении его в суде «основным вопросом, подлежащим разрешению в каждом отдельном случае, является вопрос об общественной опасности рассматриваемого преступления» (ст. 47 УК).

Раскрыть общественную опасность преступления – это значит в первую очередь и главным образом показать, *какой вред* для социалистического общества несет с собой данное преступление, какая сфера социалистических общественных отношений *страдает* в результате его совершения, сколь *отрицательно влияет, тормозит, подрывает* выполнение тех или иных политических и хозяйственных задач, поставленных партией и правительством, совершенное лицом преступление. Тяжесть причиненного ущерба всегда определяется с учетом места и времени совершения преступления, с учетом условий развития советского государства на данном историческом этапе.

Оценка преступного ущерба в обвинительных заключениях и приговорах во всех случаях должна быть полной и конкретной. Раскрывая ущерб соответствующего преступления, прокурорские и судебные работники не должны ограничиваться лишь ущербом, образующим элемент состава преступления, а показывать и все далеко идущие вредные для социалистического общества последствия, ко торые опосредственно связаны с совершенным преступлением. Эти отягчающие уголовную ответственность вредные последствия⁶⁴ вместе с основным ущербом образуют цельный, совокупный ущерб преступления, четко определяя его конкретную степень общественной опасности.

Трудно переоценить значение правильного определения преступных последствий для квалификации преступления. Виновно причиненный ущерб – это и наличие, и степень общественной опасности преступления. Кроме того, вследствие неразрывной связи, которая существует между ущербом и иными элементами состава, можно с уверенностью сказать, что ни содержание объекта, ни содержание действия, ни содержание вины невозможно раскрыть, не зная ущерба преступления.

Из обстоятельств, влияющих на меру наказания, при прочих равных условиях наибольшее значение имеет тяжесть причиненного ущерба. Это и понятно, преступное последствие является тем признаком деяния, по которому при наличии виновного действия или бездействия оно признается преступным или непроступным. Следовательно, и степень общественной опасности деяния, по которой определяется наказание лица, также зависит от тяжести последствий, причиненных социалистическим общественным отношениям.

§ 2. Вопрос о так называемых «формальных» и «материальных» преступлениях

Вопрос о роли преступного последствия как элемента состава преступления связан с весьма спорной в нашей литературе проблемой разделения преступлений на так называемые «формальные» и «материальные».

Большая часть советских криминалистов считает целесообразным деление преступлений (или составов преступлений) на «формальные» и «материальные» в зависимости от наличия (в «материальных» преступлениях) или отсутствия (в «формальных» преступлениях) преступных последствий как обязательного элемента состава. Так, «формальными» признаются, например, большинство контрреволюционных преступлений, преступления против социали-

---

⁶³ См. там же.

⁶⁴ См. § 1 гл. III настоящей работы.

стического правосудия (ложный донос, незаконный арест, вынесение неправосудного приговора, побег), многие из преступлений против порядка управления (нарушение обязанностей по обороне страны, невыполнение налоговых и поставочных обязанностей), часть воинских преступлений (дезертирство, уклонение от службы в армии, разглашение военной тайны), хозяйственные преступления (выпуск недоброкачественной продукции, спекуляция) и некоторые другие. «Материальными» же считаются такие преступления, как хищение, убийство и др.

Однако обоснование криминалистами деления преступлений на «формальные» и «материальные» существенно различается. Одни видят специфику так называемых «формальных» преступлений в отсутствии преступных последствий вообще (беспоследственные преступления). Такой позиции придерживаются, например, М. Д. Шаргородский⁶⁵, Я. М. Брайнин⁶⁶. Другие криминалисты считают, что в «формальных» преступлениях последствия есть, но они *специально* не доказываются судом при квалификации преступлений (например, Т. В. Церетели⁶⁷, В. И. Курляндский⁶⁸, В. Н. Кудрявцев⁶⁹). Обе группы криминалистов признают вредные последствия в «формальных» преступлениях факультативным, необязательным элементом состава преступления.

Противники деления преступлений на «формальные» и «материальные» (например, А. Н. Трайнин⁷⁰, Б. С. Никифоров⁷¹) считают вредное последствие обязательным элементом состава, но признают, что не во всяком преступлении оно подлежит специальному доказыванию судом.

Таким образом, разногласия имеют место в двух самостоятельных вопросах: а) признавать вредные последствия обязательным или факультативным элементом состава и б) требуется ли специальное доказательство преступных последствий при квалификации преступлений?

Обязательными (А. Н. Трайнин⁷²) или основными (А. А. Герцензон⁷³, В. И. Курляндский⁷⁴) признаками состава называются такие признаки, которые внутренне присущи всякому преступлению и без которых деяние не может быть признано общественно опасным и наказуемым. К числу таких обязательных, как пишет В. И. Курляндский, «минимально необходимых критериев для отнесения содеянного вообще к области преступного», советские криминалисты причисляют ряд определенных признаков. А. Н. Трайнин к обязательным признакам состава преступления относит признаки, характеризующие объект преступления, преступное действие, причинную связь, последствия, субъективную сторону и субъекта, причем только специального. Аналогично решает этот вопрос и А. А. Герцензон. В. И. Курляндский считает основными признаки, характеризующие объект, преступное действие, субъекта преступления и вину. В отличие от них Я. М. Брайнин признает обязательными элементами состава лишь те, которые характеризуют действие, субъекта преступления и субъективную сторону. Признаки,

⁶⁵ См. М. Д. Шаргородский. Вопросы общей части уголовного права, Л., 1955, стр. 95–96.

⁶⁶ См. Я. М. Брайнин. Некоторые вопросы учения о составе преступления в советском уголовном праве, Ученые записки Киевского университета им. Шевченко, 1950 г., Т. IV, вып. IV, стр. 64–65.

⁶⁷ См. Т. В. Церетели. Причинная связь в уголовном праве, Тбилиси, 1957, стр. 19–20.

⁶⁸ См. В. И. Курляндский, рецензия на книгу А. Н. Трайнина «Состав преступления по советскому уголовному праву», «Советское государство и право» 1952 г. № 8, стр. 77–78.

⁶⁹ См. В. Н. Кудрявцев. Основные вопросы причинной связи в советском уголовном праве, М., 1952, автореферат кандидатской диссертации.

⁷⁰ См. А. Н. Трайнин. Общее учение о составе преступления, М., 1957, стр. 140–153.

⁷¹ См. Б. С. Никифоров. Об объекте преступления, «Советское государство и право» 1948 г., № 9; Мошеннические посягательства на социалистическую собственность, 1952, стр. 83–84.

⁷² См. А. Н. Трайнин. Состав преступления по советскому уголовному праву, М., 1951, стр. 84.

⁷³ См. А. А. Герцензон. Уголовное право, общая часть, 1948, стр. 279.

⁷⁴ См. В. И. Курляндский. Некоторые вопросы учения о составе преступления в советском уголовном праве, «Советское государство и право» 1951 г., № 11, стр. 39.

характеризующие объект и последствия преступления, он причисляет к компонентам преступления.

Действительно, основными признаками состава преступления являются те признаки, которые необходимы для признания действия общественно опасным и наказуемым. Но можно ли признать деяние общественно опасным, если оно не наносит никакого ущерба социалистическим общественным отношениям? Думается, что нельзя. Понимая это, большинство сторонников разделения преступлений на «формальные» и «материальные» пишут, что нет «формальных» преступлений. Все преступления материальны, ибо, соглашались они с А. Н. Трайниным, преступление «только потому и признаётся преступным, что наносит тот или иной ущерб охраняемому законом объекту»⁷⁵. «Формальные» и «материальные» якобы не преступления, а *составы* преступлений, «различно конструируемые законом в зависимости от включения или невключения наступления вредных последствий в число признаков, характеризующих объективную сторону преступления»⁷⁶.

Нетрудно заметить, в какое противоречие впадают эти авторы. Преступление как общественно опасное деяние не может не наносить ущерба социалистическим общественным отношениям, то есть преступление всегда материально. Состав же, как известно, – это юридическая характеристика преступления. Следовательно, состав должен иметь в числе своих обязательных признаков элемент, который характеризовал бы последствия преступного деяния.

Нельзя признать убедительной критику Я. М. Брайниным положений о преступных последствиях, которые отстаивает в своей монографии о составе преступления А. Н. Трайнин. Я. М. Брайнин считает, что автор подменяет вопрос об ущербе вопросом об общественной опасности деяния⁷⁷. Между тем характеристику общественной опасности деяния невозможно дать без оценки наносимого данным деянием ущерба. Неудивительно поэтому, что вредное последствие, изгнанное, так сказать, из состава преступления, немедленно появляется во всей своей полноте при характеристике общественной опасности *любого* «формального» состава преступления.

Так, В. Д. Меньшагин, доказывая «формальность» состава уклонения от призыва по мобилизации, указывал, что не требуется, чтобы такого рода деянием военнообязанного был причинен вред комплектованию Вооруженных Сил СССР, а тем самым и вред обороне СССР⁷⁸.

Давая характеристику общественной опасности уклонения от призыва в армию, В. Д. Меньшагин считает, что огромная общественная опасность этого преступления обусловливается тем, что лица, уклоняющиеся от призыва на действительную военную службу, нарушают нормальное пополнение личным составом воинских частей и подразделений, а тем самым *причиняют серьезный вред* интересам комплектования Вооруженных Сил СССР⁷⁹.

Криминалисты, которые признают обязательным признаком состава преступления объект и не относят к числу таковых преступное последствие, допускают и другое противоречие. Они не учитывают той органической связи, которая существует между этими признаками состава преступления. Объект представляет собой социалистические общественные отношения, охраняемые уголовным правом *от преступных посягательств* на них. Но «посягнуть» – это всегда, – как справедливо отмечает проф. А. Н. Трайнин, – означает нанести в той или иной

⁷⁵ В. И. Курляндский, рецензия на книгу А. Н. Трайнина «Состав преступления по советскому уголовному праву», «Советское государство и право». 1952 г., № 8, стр. 77; В. Н. Кудрявцев. Основные вопросы причинной связи в советском уголовном праве, М., 1952, автореферат кандидатской диссертации, стр. 10–11.

⁷⁶ Н. Д. Дурманов. Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву, М., 1955, стр. 38.

⁷⁷ Я. М. Брайнин. Некоторые вопросы учения о составе преступления в советском уголовном праве, Ученые записки Киевского университета им. Шевченко, 1950, т. IV, вып. IV, стр. 64.

⁷⁸ См. В. Д. Меньшагин. Преступления против обороны СССР, М., 1951, автореферат докторской диссертации.

⁷⁹ См. Там же.

форме и мере ущерб объекту: посягательство, не несущее с собой ущерба, перестает быть самим собой: оно уже не «посягает». Единственно, отчего уголовный закон охраняет и может охранять объект – это от ущерба»⁸⁰.

Именно потому, что между объектом и последствием существует неразрывная связь, отрицание последствия как обязательного элемента состава приводит к аннулированию и объекта. Отсюда и вытекает ошибочное положение Я. М. Брайнина, что объект не является элементом состава. Этим же объясняются утверждения, будто в советском уголовном праве могут преследоваться *безобъектные и безущербные* преступления. «Преступник направил прокурору ложный донос, но прокурор на основании различных имеющихся у него материалов сразу разгадал ложный характер доноса и немедленно же привлек к ответственности его автора, – пишет Н. Д. Дурманов. – В этом случае лицо, в отношении которого сделан ложный донос, не пострадало, *социалистическому правосудию не было причинено ни малейшего ущерба*. Однако в его действиях содержатся признаки преступления, караемого по ст. 95 УК»⁸¹ (курсив наш. – Н. К.).

Естественно напрашивается вопрос, в чем же тогда общественная опасность ложного доноса, если он не наносит ущерба ни одному из правоохраняемых объектов? На каком основании законодатель и теория относят ложный донос к преступлениям против правосудий, если объект – интересы правосудия – ни малейшего ущерба от ложного доноса не несет?

Очевидно, конечно, что ложный донос является посягательством на социалистическое правосудие. Правильное отправление социалистического правосудия исключает получение от кого бы то ни было ложных, письменных или устных сообщений, обвиняющих других лиц в совершении преступлений. *Всякий* ложный донос нарушает эти интересы социалистического правосудия. В этом ущерб ложного доноса, его общественная опасность. Что же касается неосновательных арестов и осуждений невинных граждан, то эти вредные последствия, действительно, лежат за составом ложного доноса и учитываются лишь в плане индивидуализации наказания.

Пытаясь преодолеть противоречие, вытекающее из признания обязательным элементом состава объекта преступления и непризнания таковым преступного последствия, теоретики пишут, что для объекта опасно само совершаемое или иначе «самый факт» действия (бездействия). Однако подобное утверждение противоречит природе преступного действия.

Преступное действие, как всякое иное разумное человеческое действие, никогда не совершается ради него самого. Действие – всегда *средство* достижения определенных результатов. Эти результаты в начале деятельности мыслятся лицом как основные или побочные цели его действия. Тем более что почти все так называемые «формальные» преступления совершаются с прямым умыслом и цель, следовательно, в этих случаях является обязательным элементом состава. Эта реализованная преступная цель в данных составах и есть преступное последствие. Преступное действие входит в соприкосновение с объектом посягательства только через ущерб этому объекту.

Далее, преступное действие, как мы видели, имеет две стороны. С одной стороны, оно есть воплощение, объективизация преступной воли субъекта, а с другой – причина ущерба, нанесенного этим действием. Если мы не признаем за действием значения причины общественно вредных последствий, мы вынуждены будем считать действие простым проявлением преступной воли лица. Тем самым, хотим мы этого или не хотим, мы встанем на позиции архиреакционного империалистического учения о действии и преступлении. Как мы видели, содержанием действия является его общественная опасность, которая состоит в направленности этого действия против социалистического строя или правопорядка (ст. 6 УК). Без четкого установления направленности соответствующего действия на причинение ущерба социалисти-

⁸⁰ А. Н. Трайнин. Общее учение о составе преступления, М., 1957, стр. 139.

⁸¹ Н. Д. Дурманов. Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву, М., 1955, стр. 40.

ческим общественным отношениям нельзя раскрыть содержание (общественную опасность) ни одного из преступных действий.

В спорных случаях квалификации так называемых «формальных» преступлений практическая реализация положения о том, что для этих преступлений всегда достаточно доказать сам «факт действия», может привести к ошибкам.

Б., К. и А., находясь в зрительном зале цирка во время происходивших соревнований по боксу, кричали и свистели, несмотря на предупреждение работников администрации цирка⁸². За эти действия народный суд осудил их по ч. 2 ст. 74 УК (злостное хулиганство). Если исходить из «факта действия», такая квалификация является правильной: в общественном месте субъекты кричали и свистели, предвидя и желая совершить эти действия. Однако Верховный Суд РСФСР с полным основанием отменил приговор народного суда. Действия осужденных на самом деле не причинили ущерба правилам социалистического общежития. В их поведении не проявлялось явное неуважение к обществу. Криком и свистом указанные лица выражали свое сочувствие игре и пытались приободрить боксера грузинской национальности, за которого «болели». Таким же образом вели себя в цирке и многие другие «болельщики». Верховный Суд РСФСР дело прекратил, признав достаточным наказание осужденных в административном порядке.

А. наносит на улице удары по лицу Б. «Факт действия» – удары по лицу. Но эти удары могут причинить ущерб правилам социалистического общежития (хулиганство – ст. 74 УК), чести и достоинству Б. (оскорбление действием – ч. 2 ст. 159 УК), физической неприкосновенности Б. (побои – ч. 1 ст. 146 УК), нанесение ударов может явиться элементом разбойного нападения (ч. 2 ст. 2 Указа от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан») и т. д.

Понятно, чтобы раскрыть действительное содержание подобного «факта действия» надо определить *на что*, на причинение *какого ущерба направлено* данное действие.

Не признавая последствие обязательным элементом состава преступления, криминалисты-теоретики часто принимают во внимание ту связь, которая существует между *виной* и последствием. Статья 10 УК прямо указывает, что наказание может быть применено лишь тогда, когда лица «действовали умышленно, то есть предвидели общественно опасный характер *последствий* своих действий, желали этих последствий или сознательно допускали их наступление...» (курсив наш. – Н. К.). А «формальные» преступления, как мы указывали, совершаются с прямым умыслом, следовательно, прямо направлены на определенную преступную цель.

Сторонники различения «формальных» и «материальных» преступлений считают формулу ст. 10 УК неполной. Они предлагают дополнить ее с учетом вины в «формальных преступлениях» указанием на предвидение общественно опасного действия или бездействия. Но что значит предвидеть и желать совершения общественно опасного действия? *Всякое* человеческое действие волимо, то есть целенаправленно, мотивированно, иначе предвидимо и желаемо. Неволимое действие – не действие вообще. Справедливо писал А. С. Никифоров, что неправильно говорить о психическом отношении к действию. Психическое отношение само есть элемент деяния, и сказать, что оно есть отношение к деянию, значит, в частности, сказать, что оно есть отношение к самому себе... Поэтому нам представляется единственно правильным говорить о психическом отношении деятеля только к общественно опасному результату его действий»⁸³.

⁸² Архив Верховного Суда РСФСР 1956 г. дело § 5-Д6-109.

⁸³ А. С. Никифоров. Основные вопросы уголовной ответственности за преступления, совершаемые по небрежности, Ученые записки ВИНУН, 1955, вып. 1, стр. 143.

Если же понимать предлагаемую формулу как предвидение общественно опасного характера действия (бездействия) и желание его совершения, то предвидеть общественно опасный характер действия, значит предвидеть последствие, на причинение которого оно направлено. Только в направленности на причинение ущерба социалистическим общественным отношениям состоит общественно опасный характер всякого преступного действия (бездействия).

Своеобразное решение проблемы «формальных» и «материальных» преступлений дают В. Г. Макашвили и Т. В. Церетели. Они с полным основанием отрицают существование беспоследственных, безвредных преступлений⁸⁴. Преступление не может не иметь общественно вредного последствия потому, считает Т. В. Церетели, что это противоречит сущности преступлений, как общественно опасных посягательств, на правоохраняемые объекты, а также потому, что это противоречит и понятию преступного действия: если есть причина – действие, то должно быть и следствие – преступный результат⁸⁵.

Отправляясь от этого правильного положения, авторы, однако, признают целесообразным деление преступлений на «формальные» и «материальные». Они различают последствия в «широком» и в «узком» их понимании. «Нанесение вреда социалистическим общественным отношениям является последствием в широком смысле слова», – пишет Т. В. Церетели⁸⁶. Последствие же в «узком смысле слова» – это конкретный ущерб, предусмотренный каждым данным составом преступления. В составе убийства – это смерть человека, в составе телесных повреждений – соответствующие изменения в организме человека и т. д. В. Г. Макашвили считает последствием в «узком смысле слова» «нанесение определенного вреда предмету посягательства»⁸⁷.

Отсюда, по мнению авторов, все преступления имеют общественно вредные последствия – в широком смысле слова. Последствия же в узком смысле слова имеют лишь «материальные» преступления. В этом различие «материальных» и «формальных» преступлений.

На наш взгляд, Т. В. Церетели и В. Г. Макашвили не учитывают соотношение общего и специального объектов, а также соотношение преступного последствия вообще и конкретного преступного последствия как элемента соответствующего состава преступления. Посягая на любой конкретный объект, преступник одновременно наносит ущерб вообще социалистическим общественным отношениям, охраняемым уголовным законодательством. Совершая, например убийство, субъект совершает одновременно и конкретное преступление против жизни, преступление вообще по советскому уголовному праву. Причиняя «узкий» ущерб специальному объекту, преступник тем самым наносит ущерб «в широком смысле слова» общему объекту, социалистическим отношениям, охраняемым уголовным законодательством. Это положение представляется бесспорным, как прямо вытекающее из диалектики соотношения общего и особенного.

Потому непоследовательно признавать ущерб социалистическим отношениям вообще и не признавать ущерба в частности (ущерба конкретной сфере общественных отношений), иначе, признавать ущерб общему объекту преступления и не признавать ущерба специальному, индивидуальному объекту. Это равносильно тому, что такое «формальное» преступление, как, например, клевета, будет признаваться преступлением вообще и не признается преступлением против чести и достоинства граждан. Причинение последствия «в широком смысле слова» не может происходить иначе, как через причинение ущерба индивидуальному, конкретному объекту преступления. При этом следует иметь в виду, что при *квалифика-*

⁸⁴ См. В. Г. Макашвили. Уголовная ответственность за неосторожность, М., 1957, стр. 156–158; Т. В. Церетели. Причинная связь в уголовном праве, Тбилиси, 1957, стр. 19–20.

⁸⁵ См. Т. В. Церетели. Причинная связь в уголовном праве, Тбилиси, 1957, стр. 19.

⁸⁶ Там же, стр. 22.

⁸⁷ В. Г. Макашвили. Уголовная ответственность за неосторожность, 1957, стр. 158. Выше указывалось, что преступное последствие – это общественно вредное изменение в объекте преступления. Изменения в предмете таковыми не являются.

ции преступлений, то есть при установлении в действиях лица признаков соответствующего *состава преступления*, нас интересуют только объект – *элемент состава* и ущерб – также элемент состава. Дальнейшие последствия, наступающие вслед за выполнением оконченного состава преступления, учитываются лишь как отягчающие *наказуемость* обстоятельства.

Не признавая в «формальных» преступлениях последствий «в узком смысле слова», Т. В. Церетели, однако, совершенно правильно решает вопрос о причинной связи как обязательной предпосылке уголовной ответственности при всех преступлениях. А ведь причинная связь соединяет действие с преступным последствием. Т. В. Церетели пишет: «Различие между материальными и формальными деликтами с этой точки зрения заключается не в том, что в первом случае причинная связь является необходимой предпосылкой ответственности, а во втором случае – нет, а в том, что в первом случае причинная связь всегда предполагается и не требует доказательства, а во втором случае она требует особого доказательства»⁸⁸.

Точно так же должен решаться вопрос и с последствием как обязательным элементом состава преступления. В так называемых «формальных» преступлениях преступные последствия не требуют особого доказательства, а в «материальных» они доказываются судом специально, отдельно от действий. Поэтому правильным является утверждение Т. В. Церетели относительно последствий в «формальных» преступлениях против порядка правосудия: если суд установит все признаки заведомо ложного доноса (ст. 95 УК), «то тем самым считается доказанным и нанесение вреда определенным социалистическим общественным отношениям, в частности, правильному отравлению социалистического правосудия»⁸⁹. Аналогичное положение со всеми иными так называемыми «формальными» преступлениями.

Таким образом, понятие *состава преступления* и его *обязательных, основных (общих) признаков*, а также *связь*, которая существует *между объектом, действием и виной*, с одной стороны, и преступным последствием – с другой, приводят к выводу, что преступное последствие является *обязательным* элементом состава преступления.

К такому же выводу приводит нас и грамматическое толкование диспозиций статей уголовного закона. При конструкции диспозиции статей законодатель по-разному описывает действия и результат. Иногда конкретно и исчерпывающим образом описаны и действия, и результат (например, ст. 109 УК). В другом случае подробно описаны действия, а результат указан в общей форме, например, «тяжкие последствия» (ст. 75¹ УК). В третьем случае законодатель употребляет единое понятие деяния, которое охватывает и действие, и результат. Так, когда законодатель говорит в ст. 1 Указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» – хищение, то под этим он понимает как действия по изъятию имущества в форме кражи, злоупотребления властью, использования подложных документов, мошенничества и пр., так и результат – нанесение материального ущерба социалистической собственности. Конструируя ст. 159 УК, законодатель также включает в понятие оскорбления не только действие, но и результат.

Второй *самостоятельный* вопрос – должен ли суд *специально доказывать* наличие вредных последствий во всех преступлениях или есть преступления, где это не обязательно. Данный вопрос *часто смешивают* с разобранным выше – об обязательности или факультативности преступных последствий, и именно в этом заключается другая ложная основа деления преступлений на «формальные» и «материальные». Подобное смешение проистекает из нечеткого уяснения соотношения *диспозиции* статьи закона с *конструкцией состава* определенного преступления.

Почти все сторонники деления составов преступлений на «формальные» и «материальные» пишут в обосновании этого деления о «законодательной конструкции состава», которая

⁸⁸ Т. В. Церетели. Причинная связь в уголовном праве, Тбилиси, 1957, стр. 28.

⁸⁹ Там же, стр. 20.

в одних случаях включает преступный результат в качестве обязательного признака и тогда суд обязан его доказать, а в других не включает, и тогда суд ограничивается доказательством одного лишь действия. При этом они подменяют понятие «законодательной конструкции состава» понятием «диспозиции» статей уголовных кодексов. Так, например, Я. М. Брайнин пишет, что «поскольку состав преступления определяется *диспозицией* уголовного закона, то наличие или отсутствие в диспозиции уголовного закона указаний на преступный результат, как на одно из условий данного состава преступления, имеет особое значение. Рамки всякого состава преступления определяются исключительно законом»⁹⁰ (курсив наш. – Н. К.).

Но диспозиция статей закона и состав преступления – понятия не идентичные. В диспозиции статей закона, как правило, описываются лишь объективные признаки состава преступления и реже – вина. Не указываются признаки, характеризующие возраст и вменяемость субъекта. В редких статьях содержится специальное упоминание и об объекте преступления. В диспозициях статей уголовного закона описываются лишь *специфические* именно для данного состава признаки преступления.

Установление этих указанных в диспозиции признаков состава преступления обычно доказывает и наличие остальных элементов состава. Так, если суд найдет в действиях лица признаки «распространения заведомо ложных позорящих другое лицо измышлений», то ему вполне достаточно установления этих признаков для привлечения виновных лиц к уголовной ответственности за клевету. «Заведомость» определяет форму вины. Объект также бесспорен. Теряют ли в таком случае вина и объект клеветы, специально не описанные в диспозиции ст. 161 УК, значение обязательных элементов состава? Понятно, что не теряют.

А. Н. Трайнин приводит примеры, в которых суды при квалификации отдельных преступлений, например спекуляции, хулиганства, постановления неправосудного приговора и др. не касаются вопроса об объекте. «Они не останавливаются на исследовании объекта, конечно, не потому, – пишет А. Н. Трайнин, – что наличие объекта для состава этих преступлений не требуется или требуется в меньшей степени, а, напротив, именно потому, что наличие объектов (ущерб советской торговле – при спекуляции, ущерб социалистическому правосудию – при постановлении неправосудного приговора и социалистическому правопорядку – при хулиганстве) в *этих случаях настолько бесспорно и очевидно, что не нуждается в особом исследовании и установлении*»⁹¹.

Это свидетельствует о том, что, во-первых, диспозиция статьи обычно бывает уже, чем конструкция состава преступления, во-вторых, элементы, которые не названы в диспозиции и потому не подлежат специальному доказыванию судом, не теряют от этого качеств обязательных элементов составов преступлений. Суд немедленно обращается к специальному доказыванию этих обязательных элементов, как только у него возникнут сомнения в правильности квалификации деяния. Так, суд должен специально установить объект преступления хулиганства, когда совершенное лицом деяние схоже с телесным повреждением или покупка и перепродажа товаров напоминает не спекуляцию, а нарушение правил торговли.

Преступное последствие, подобно объекту и вине, также далеко не всегда описано в диспозиции соответствующей статьи уголовного кодекса. Специально доказывается оно при квалификации деяния лишь при наличии прямого указания на него в законе. В остальных же случаях преступное последствие настолько тесно примыкает к самому действию, так неразрывно с ним связано и так очевидно, что для квалификации деяния достаточно доказать наличие оконченного действия и объекта преступления, как и наличие ущерба становится само собой разумеющимся.

⁹⁰ Я. М. Брайнин. Некоторые вопросы учения о составе преступления в советском уголовном праве, Ученые записки Киевского университета им. Шевченко, 1950, т. IV, вып. IV, стр. 65.

⁹¹ А. Н. Трайнин. Общее учение о составе преступления, М., 1957, стр. 153.

В одних преступлениях результат наступает сразу же вслед за действием, так что между ними нет разрыва ни во времени, ни в пространстве. В других преступлениях такой разрыв есть. Например, при убийстве недостаточно произвести действие – спустить курок ружья. Необходимо еще, чтобы пуля попала в жертву и причинила ей смертельное ранение. А это связано со многими привходящими факторами, которые подчас не зависят от самого субъекта. Отсюда частые на практике случаи покушения на убийство. И, напротив, в телесных повреждениях, оскорблении, клевете, дезертирстве, диверсии и пр. нет разрыва между действием и наступлением преступного ущерба. В конце действия обычно неизбежно следует результат. Поэтому-то в делах подобной категории практически обычно даже не возникает вопрос о причинной связи.

Указанные выше два обстоятельства: а) нематериальный (политический, моральный, духовный) характер ущерба и б) отсутствие разрыва во времени и пространстве между действием и последствием обуславливают известную специфику некоторых составов преступлений, весьма неудачно называемых «формальными» и неправильно толкуемых как беспоследственные. В этих составах преступное последствие есть и является обязательным признаком состава преступления, но не подлежит специальному доказыванию судом, так как автоматически определяется с установлением признаков оконченного действия или бездействия.

В. Н. Кудрявцев называет пять оснований, по которым выделяются «формальные» составы: 1) последствия, причиненные объекту, таковы, что они трудно поддаются конкретной регистрации (последствия клеветы, запрещенной охоты и пр.), 2) последствием является создание объективной возможности причинения ущерба (мошенничество, оставление без помощи, оглашение данных предварительного следствия, разглашение государственной тайны и др.), 3) последствия в конкретных случаях малозначительны, но будучи распространенными и повторяясь, они причиняют значительный вред, 4) последствия состоят в создании условий для совершения других преступлений (подделка документов, изготовление и хранение ядов и оружия и др.), 5) последствия неизбежно следуют за совершением действий⁹².

Правильными, на наш взгляд, являются первое и последнее основания. Второе и четвертое – базируются на смешении последствий – элементов составов и последствий, лежащих за составом преступлений. Эти основания мы рассмотрим ниже при анализе так называемых «усеченных» составов. Нельзя согласиться и с третьим основанием. Спекуляция, самовольная отлучка, самоуправство, раз уже законодатель признает их преступлениями, не требуя систематичности, не могут считаться малозначительными. При малозначительности эти деяния в силу примечания к ст. 6. УК не наказываются, поэтому неправильно общественную опасность данных деяний выводить из повторяемости этих преступлений, их общественной опасности «в массе».

Практически в конечном итоге, когда речь идет об анализе конкретных составов преступлений, все разногласия по проблеме «формальных» и «материальных» преступлений, как это ни странно, сводятся к словам, а именно к толкованию слова «факт» – «факт» выпуска недоброкачественной продукции, «факт» уклонения от службы в армии, «факт» оскорбления и т. п. Сторонники деления преступлений на «формальные» (беспоследственные) и «материальные», (с последствиями) считают фактом совершение только действия или бездействия, их же противники понимают под этим словом деяние, включающее и действие, и результат.

Наглядной иллюстрацией этого может служить дискуссия между В. Д. Меньшагиным и П. С. Мураховским. Последний в своей рецензии на работу В. Д. Меньшагина «Преступления против обороны СССР» (1945 г.) подверг критике утверждение автора о «формальности» большинства преступлений против обороны СССР. Так, при нарушении правил противовоздушной

⁹² См. В. Н. Кудрявцев. О соотношении предмета и объекта преступления по советскому уголовному праву, Труды Академии, 1951, вып. XIII, стр. 67–68.

обороны П. С. Мураховский считает последствием создание такой обстановки, при которой отсутствует возможность предупреждения и быстрой ликвидации пожаров. В составе уклонения от выполнения военно-транспортной повинности вредным последствием является, по его мнению, несдача автомашины военкомату⁹³.

В. Д. Меньшагин же считает, что создание такой обстановки, при которой отсутствует возможность предупреждения и быстрой ликвидации пожаров, не является преступным результатом, включается в само преступное деяние – в нарушение правил по противопожарной безопасности⁹⁴. Затем В. Д. Меньшагин, соглашаясь с В. Н. Кудрявцевым, указывает, что в «формальных» преступлениях результат неизбежно следует за совершением действия и потому нет необходимости его специально доказывать.

Это последнее положение является совершенно правильным. Но в таком случае нарушением, например, военно-транспортной обязанности следует считать не только действие (бездействие), но и его результат.

Правильно пишет В. М. Чхиквадзе о таком «формальном» преступлении, как разглашение государственной тайны, предусмотренное ст. ст. 1 и 3 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 9 июня 1947 г. «Об ответственности за разглашение государственной тайны и за утрату документов, содержащих государственную тайну», что «разглашение здесь одновременно является и действием и преступным результатом»⁹⁵.

Деление преступлений на «формальные» и «материальные» неизвестно закону и судебной практике. Нельзя согласиться с утверждением М. Д. Шаргородского, будто Верховный Суд СССР считает необходимым подобное деление преступлений. Только два примера из судебной практики Верховного Суда СССР фигурируют обычно в качестве иллюстрации к этому утверждению. Первый – определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 20 апреля 1946 г. по известному делу Л. «...статья 179 УК РСФСР карает нарушение указанного в ней запрета независимо от того, повлекло ли оно вредные последствия или нет...»⁹⁶.

Но о каком последствии говорится в данном определении? Речь идет о самоубийстве Ю. ядом, который незаконно хранил обвиняемый Л. Такое вредное последствие, действительно, лежит за составом незаконного хранения ядов, предусмотренного ст. 179 УК. Оно учитывается лишь при индивидуализации наказания как отягчающее ответственность обстоятельство. Но это определение вовсе не признает самое хранение яда безвредным, беспоследственным преступлением. Ущерб незаконного хранения ядов носит нематериальный характер и заключается в нарушении установленной в СССР системы обращения с ядами, и к тому же он следует немедленно за самими действиями (бездействием) лица: хранением, несдачей яда, его покупкой, кражей и пр.

В одном из своих определений Верховный Суд СССР указывал, что требование установить сумму убытка фабрики, причиненного выпуском недоброкачественной продукции, противоречит смыслу Указа Президиума Верховного Совета СССР от 10 июля 1940 г., поскольку Указ не предъявляет такого требования, а предусматривает прямую ответственность исключительно за выпуск недоброкачественной продукции и за выпуск продукции с нарушением стандартов.

Это определение также не подтверждает того, что Верховный Суд СССР придерживается деления преступлений на «формальные» и «материальные». Материальный ущерб пред-

⁹³ См.: П. С. Мураховский, рецензия на книгу В. Д. Меньшагина «Преступления против обороны СССР», «Советское государство и право» 1946 г. № 11–12, стр. 70.

⁹⁴ См.: В. Д. Меньшагин. Преступления против обороны СССР, М., 1951, автореферат докторской диссертации.

⁹⁵ В. М. Чхиквадзе. Советское военно-уголовное право, 1948, стр. 401. Точнее сказать, что разглашение государственной тайны не является и действием, и результатом, а включает в себя и действие, и результат.

⁹⁶ «Судебная практика Верховного Суда СССР», 1946, вып. V. (XXIX), стр. 3.

приятиям лежит за составом выпуска недоброкачественной продукции, только об этом и говорится в цитированном определении коллегии. Но оно нисколько не доказывает, что Верховный Суд СССР признает самый выпуск недоброкачественной продукции безвредным, беспоследственным, «формальным» преступлением. Понятием «выпуск недоброкачественной продукции» законодатель характеризует общественно опасное деяние, куда входят действие (документальное оформление недоброкачественной продукции в ОТК) и преступное последствие – выпуск с советского завода недоброкачественной продукции.

Вопрос о природе последствий в выпуске недоброкачественной продукции правильно решен Б. С. Утевским, который считает, что для состава выпуска недоброкачественной продукции не требуется устанавливать наступление таких вредных последствий, которые являются уже последующим результатом выпуска недоброкачественной продукции (уплата штрафов, возмещение убытков, срыв графика выпуска готовой продукции и т. д.). Это не те ущербы, которые заключает в себе состав выпуска недоброкачественной продукции. «Сам по себе выпуск недоброкачественной, некомплектной или нестандартной продукции, – пишет Б. С. Утевский, – независимо от дальнейших вредных его последствий, причиняет ущерб предприятию-изготовителю, поскольку он ведет к дезорганизации предприятия-изготовителя»⁹⁷.

М. Д. Шаргородский приводит и третий пример из практики Верховного Суда СССР для обоснования практической целесообразности деления преступлений на «формальные» и «материальные». Но приведенный пример, по нашему мнению, никак не может служить подтверждением указанного положения. В деле М. и Ц., на которое ссылается М. Д. Шаргородский, говорится о разграничении преступления и дисциплинарного проступка: «Вопрос об ответственности лица, виновного в несоблюдении правил пожарной безопасности, может стоять независимо от наступления последствий нарушения этих правил». И далее: «Но совершенно очевидно, что суждения о характере ответственности – дисциплинарной или уголовной, которую должно нести это должностное лицо, и о степени его ответственности не могут быть одинаковыми в том и другом случае».⁹⁸

Практический смысл всякой теоретической проблемы уголовного права определяется тем, способствует ли эта проблема задачам точной квалификации преступлений и индивидуализации наказания виновных или нет. Концепция деления преступлений на «формальные» (беспоследственные составы) и «материальные» (с последствиями) мало чем помогает при решении этих вопросов.

Сторонники признания беспоследственных составов преступлений обвиняют противников деления преступлений на «формальные» и «материальные» в том, что они слишком широко, вопреки закону, толкуют объективную сторону соответствующих составов преступлений. Последние так же могли упрекнуть сторонников деления преступлений на «формальные» и «материальные», что они слишком узко описывают составы преступлений. Внешне это выглядит как серьезное расхождение, прямо влияющее на правильность квалификации преступлений. Что же имеется в действительности?

Достаточно сравнить «Курс советского уголовного права» 1955 года, написанный сторонниками признания «формальных» преступлений А. А. Пионтковским и В. Д. Меньшагиным, с работами А. Н. Трайнина, придерживающегося противоположного мнения, чтобы убедиться, что и первые и последний одинаково правильно толкуют закон. Преступление признается оконченным ни раньше, ни позже, а именно тогда, когда оконченным его признает сам законодатель. Так, А. Н. Трайнин признает ложный донос оконченным с момента подачи ложного

⁹⁷ Б. С. Утевский. Уголовная ответственность за выпуск недоброкачественной и некомплектной продукции, М., 1955, стр. 68.

⁹⁸ «Судебная практика Верховного Суда СССР», 1946, вып. VIII (XXXII), стр. 9–11.

заявления, а не с момента осуждения оклеветанного лица, выпуск недоброкачественной продукции – с момента, когда продукция прошла отдел технического контроля, дезертирство – с момента выбытия из части с целью навсегда оставить службу. Факт соавторства в комментариях к УК РСФСР 1941 и 1946 гг. А. Н. Трайнина и В. Д. Меньшагина достаточно красноречиво говорит сам за себя.

Высказанные соображения позволяют сделать вывод, что проблема «формальных» и «материальных» преступлений в значительной мере оказывается спором о словах (в частности, как понимать слово «факт»). Различие между «материальными» и «формальными» преступлениями не принципиально и не заслуживает того большого внимания, которое ему уделяется в нашей литературе. Особенность некоторых преступлений, в которых ущерб носит не материальный характер, а поэтому он неразрывно связан с действием и специально судом не доказывается, на наш взгляд, не может обосновать необходимости в разделении преступлений на «формальные» и «материальные». Тем более, что многие криминалисты-теоретики неправильно определяют природу «формальных» преступлений как беспоследственных, безущербных и даже безобъектных. Это принципиально неправильно. Вопрос о «материальных» и «формальных» составах – это вопрос не о структуре преступлений или составов преступлений, а вопрос доказательств: нужно или нет специально, отдельно от анализа действия доказывать наличие последствий. Если правильно раскрывать объект посягательства и момент окончания действия, вопрос о последствиях практически никаких трудностей не вызывает.

Общественная опасность всех преступлений состоит в посягательстве на социалистический строй и правопорядок. Посягательство немыслимо без нанесения ущерба социалистическим общественным отношениям, охраняемым уголовным правом. В этой связи нам представляется более правильным определять преступление не как действие или бездействие, лишь направленное на причинение ущерба правоохраняемым объектам (это характеристика лишь преступного действия), а как *общественно опасное посягательство* на социалистические общественные отношения⁹⁹.

§ 3. Существуют ли «усеченные» составы?

Наступление преступного последствия является последней стадией преступной деятельности – стадией окончания преступления. Однако в советской уголовно-правовой литературе существует и иное мнение. Полагают, что в некоторых составах преступлений момент окончания перенесен законодателем на более ранние стадии – стадии исполнения и даже приготовления. В этих составах преступное последствие оказывается таким образом «усеченным», а отсюда и составы были названы «усеченными».

Такой точки зрения придерживаются авторы учебного пособия по общей части уголовного права 1952 года¹⁰⁰, Н. Д. Дурманов¹⁰¹, М. Д. Шаргородский¹⁰², Н. Красильников,

⁹⁹ См. А. А. Герцензон. Понятие преступления в советском уголовном праве, М., 1955, стр. 54. «Советской теории уголовного права нет необходимости сохранять в какой бы то ни было форме концепции формального состава преступления, лишённого признака общественной опасности деяния. Ликвидация всякого влияния концепции формального состава преступления на советскую теорию уголовного права будет иметь существенное значение и в деле борьбы против реакционных концепций состава преступления, выросших на почве идеалистической неокантианской философии». И далее, «Любой советский юрист, любой практический работник органов социалистического правосудия твердо знает, что никакие формальные и неформальные составы советскому закону не известны, что все составы преступлений, предусмотренные советским уголовным законодательством, одинаково полноценны, насыщены политическим классовым содержанием...» Первое положение высказано А. А. Пионтковским, второе – В. И. Курляндским, которые являются сторонниками деления преступлений на «формальные» и «материальные», против... А. Н. Трайнина, противника такого деления. Правда, они высказаны несколько в ином плане: речь идет о толковании примечания к ст. 6 УК. Однако эти высказывания настолько полно характеризуют концепцию «формальных» преступлений во всех ее проявлениях, что их трудно было не привести.

¹⁰⁰ См. Советское уголовное право, часть общая, 1952, стр. 276.

¹⁰¹ См. Н. Д. Дурманов. Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву, М., 1955, стр. 35–56 и др.

И. Слуцкий, П. Денисов, Н. Дворкин, Н. Меркушев¹⁰³. Авторы учебника считают конструкцию «усеченных» составов законодательно-техническим приемом в целях усиления борьбы с отдельными категориями общественно опасных преступлений. Они пишут, что подобного рода конструкции для советского уголовного права не типичны, редки, ибо по советским законам приготовление и покушение наказываются наравне с оконченным преступлением.

С подобной оценкой значения «усеченных» составов авторами учебника как умаляющей их «политически принципиальное значение для советского уголовного права» не согласны М. Д. Шаргородский и Н. Д. Дурманов.

Сторонники признания «усеченных» составов считают, что эти составы нужны для того, чтобы способствовать активизации борьбы с наиболее опасными преступлениями. Составы, которые законодатель объявляет законченными на стадии приготовления и покушения без реального причинения ущерба объекту целесообразны якобы потому, «что они исключают необходимость при особо опасных формах приготовления доказывать наличие умысла в отношении преступного результата, – это было бы необходимо, если бы ответственность строилась не как за *deliktum sui generis*»¹⁰⁴.

Характерной чертой «усеченных» составов, по мнению Н. Д. Дурманова, является то, что законодатель признает преступление оконченным, «когда деяние, прямо направленное на объект, охватываемый умыслом виновного, еще не совершено, но этот объект уже ставится в явную опасность причинения ему ущерба.

От так называемых “формальных” составов эти составы отличаются тем, что прямым умыслом виновного охватываются не только действия, входящие в состав преступления, но и дальнейшие, направленные на тот же объект действия и их результат, находящиеся за пределами данного состава»¹⁰⁵.

В качестве примеров «усеченных» составов авторы учебника 1952 года называют состав оставления в опасности (ст. 156 УК), понуждения женщины (ст. 154 УК), поставления в опасные условия работы (ч. 3 ст. 133 УК). Авторы рецензии на учебник советского уголовного права 1938 года относят к «усеченным» составам также угрозу (ст. 73¹ УК) и подлог (ст. 72 УК), Н. Д. Дурманов считает «усеченными» составы бандитизма (ст. 59³ УК), разбойного нападения, подлога.

Проблема «усеченных» составов уходит своими корнями в работы немецких криминалистов конца XIX и начала XX веков. Наиболее обстоятельно она впервые была изложена в восьмитомной монографии Биндинга «Нормы и их нарушения». Биндинг, ярко выраженный сторонник нормативистской теории, делил составы на три вида в зависимости от характера запретительных норм (*Verbot*). Первый, нормальный вид – норма, запрещающая причинение результата (*Verletzungsverbote*). Эта норма предполагает полный состав преступления – состав причинения ущерба (убийство, хищение и т. п.).

Второй вид нормы – норма, запрещающая создание опасности причинения вреда (*Verbot der Gefahrdung*). Ей соответствуют деликты опасности (оставление в беспомощном положении и т. д.). Наконец, третий тип норм – простой запрет (*Verbot schlechthin*). В соответствии с этой нормой конструируются составы простых правонарушений (быстрая езда, незаконное хранение оружия и т. п.).¹⁰⁶

¹⁰² См. М. Д. Шаргородский, рецензия на книгу А. Н. Трайнина «Учение о составе преступления», «Советская книга» 1947 г. № 5.

¹⁰³ См. рецензию этих авторов на учебник Советского уголовного права, часть общая, 1938 г., «Советская юстиция» 1939 г. № 2, стр. 58.

¹⁰⁴ М. Д. Шаргородский, рецензия на книгу А. Н. Трайнина «Учение о составе преступления», «Советская книга» 1947 г. № 5, стр. 70.

¹⁰⁵ Н. Д. Дурманов. Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву, М., 1955, стр. 44.

¹⁰⁶ См. Binding. «Normen und ihre Obertretung», B. I, Leipzig 1922, S. 326 u. a.

Первый состав – нормальный, два остальных являются «усеченными», при этом во втором нужно доказывать не реальное причинение ущерба, а лишь опасность такого причинения, а в третьем доказывается только наличие самого действия.

Даже с точки зрения буржуазных криминалистов теория «усеченных» составов не была бесспорной. Так, Белинг писал, что преступление есть деяние, запрещенное под страхом наказания, поэтому нельзя противопоставлять законодательную структуру преступления какой-то несуществующей, нормальной, естественной его структуре. Если в деянии имеются все признаки, указанные в законе, то это полное целое преступление и оно не может считаться «усеченным»¹⁰⁷.

В русском дореволюционном уголовном праве теория об «усеченных» и «не усеченных» составах не имела сторонников. Исключение составляли лишь А. М. Круглевский и С. П. Мокринский¹⁰⁸. А. М. Круглевский в монографии «Имущественные преступления» отстаивал и развивал точку зрения Биндинга об «усеченных» составах. Он также признавал основные и не основные нормы. «Усеченный» состав, по его мнению, «не включает в себе всех признаков, принадлежащих акту нарушения основной нормы»¹⁰⁹. «Усеченный» или, как он его называл, «урезанный» состав полностью выполняет состав правонарушения и частично состав преступления¹¹⁰.

К сожалению, многие ошибочные положения буржуазной теории «усеченных» составов не критически восприняты отдельными советскими теоретиками.

Так, Н. Д. Дурманов начинает главу о понятии оконченного преступления тем положением, что «об оконченном преступлении можно говорить в двояком смысле или в смысле конструкции оконченного преступления *в законе*, то есть в соответственной статье особенной части, или же в смысле определения конкретного оконченного преступления в *судебной практике*»¹¹¹ (курсив наш. – Н. К.). Далее Н. Д. Дурманов критикует авторов учебника, которые не учитывают этого обстоятельства, говоря о конструкции так называемых «усеченных» составов в законе. Сам же Н. Д. Дурманов пишет в различных параграфах об оконченном преступлении в законе (§ 1 гл. II) и об «установлении момента окончания конкретного преступления судом» (§ 4 гл. II). Сопоставляя закон и судебную практику, автор делает следующий вывод: «В *общем* судебная практика Верховного Суда СССР при определении оконченного преступления исходит из характера формулировки состава данного преступления в статье особенной части советского уголовного закона»¹¹² (курсив наш. – Н. К.).

Подобное утверждение ни на чем не основано и должно быть отвергнуто. Судебная практика понимает оконченное преступление так и только так, как законодатель формулирует составы преступлений. Противопоставление понятия оконченного преступления в судебной практике и в законе является причиной ошибочной трактовки так называемых «усеченных» составов.

Правильно пишут Т. В. Церетели и В. Г. Макашвили в рецензии на книгу Н. Д. Дурманова «Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву», что «признание существования двух понятий оконченного преступления, по нашему мнению, лишено оснований. Оно может создать впечатление, что точка зрения суда на оконченное преступление расходится с точкой зрения закона по данному вопросу. Но разве это допустимо, чтобы зако-

¹⁰⁷ См. Binding, «Die Lehre vom Verbrechen», Tübingen, S. 243–248.

¹⁰⁸ См. С. П. Мокринский. Наказание, его цели и предположения, Томск, 1902, ч. II.

¹⁰⁹ А. М. Круглевский. Имущественные преступления, 1913, стр. 46.

¹¹⁰ Там же, стр. 47.

¹¹¹ Н. Д. Дурманов. Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву, М., 1955, стр. 35.

¹¹² Там же, стр. 52.

нодатель и суд вкладывали в одно и то же понятие разное содержание? С таким положением согласиться нельзя»¹¹³.

Рецензенты далее правильно отмечают, что концепция «усеченных» составов – буржуазная концепция. Ее реакционный характер заключается в том, что она вопреки закону решение вопроса об оконченном деянии предоставляет свободному усмотрению буржуазных судей и, кроме того, ведет к расширению уголовной ответственности. Т. В. Церетели и В. Г. Макашвили правильно заключают, что «следует избегать двух понятий оконченного преступления в каком бы то ни было виде, так как с этим связаны тенденции, неприемлемые для советского уголовного права»¹¹⁴.

В самом деле, понятие «усеченности» состава весьма относительно. Определить, «усечен» ли состав, можно, лишь сравнивая его с другими «не усеченными», то есть «полными», «целыми» составами преступлений. Следовательно, неизбежно появляется необходимость в том самом нормальном, полном преступлении, о котором в свое время писал Биндинг.

А. Н. Трайнин справедливо отмечал: «Закон “усеченных” составов не знает и знать не может. Закон все составы заполняет надлежащими элементами. Необходимо учесть и другое: различие “усеченных” составов логически предполагает существование какой-то средней нормы составов, ниже которой, очевидно, и опускается так называемый “усеченный состав”... Однако хорошо известно, что никаких средних “нормальных” составов не существует и существовать не может: состав преступления таков, каким он описан в законе»¹¹⁵.

Н. Д. Дурманов считает неудачным термин «усеченный состав» и предлагает в подобных случаях говорить о составах, в которых момент окончания преступления перенесен на более раннюю стадию, то есть приготовление и покушение. Но от подобной замены положение не меняется. Покушение и приготовление, наказуемые якобы как оконченное преступление, тоже предполагают соответствующее оконченное преступление, стадией которого они являются.

Признать «усеченным», например, состав оставления в опасности (ст. 156 УК) можно лишь в сопоставлении с «неусеченным» составом убийства, сравнительно с убийством в составе оставления в опасности не хватает смерти жертвы. Отсюда и делается вывод, что оставление в опасности есть покушение на убийство¹¹⁶, наказуемое как оконченное преступление.

Приобретение яда или огнестрельного оружия опять-таки рассматривается в виде наказуемого как оконченное преступление приготовления к тому же «целому» составу убийства.

О составе угрозы (ст. 73¹ УК) авторы учебника «Советское уголовное право» 1952 года пишут даже как о самостоятельно наказуемой стадии убийства (не существующей в действительности) – обнаружении умысла на убийство. Н. Д. Дурманов пишет об угрозе как о действии, создающем условия для причинения вреда объекту¹¹⁷. Какому объекту? Очевидно, жизни человека, ибо действительному объекту угрозы, предусмотренному в ст. 73¹¹⁸ УК, то есть общественно-политической деятельности граждан, интересам коллективизации и т. п. – ущерб причиняется реально¹¹⁹. С этой точки зрения разбой, как «усеченный» состав, оказывается

¹¹³ Т. В. Церетели и В. Г. Макашвили, рецензия на книгу Н. Д. Дурманова «Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву», «Советское государство и право» 1957 г. № 1, стр. 129.

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ А. Н. Трайнин. Состав преступления по советскому уголовному праву, М., 1951, стр. 137–138.

¹¹⁶ См. Н. Д. Дурманов. Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву, М., 1955, стр. 36.

¹¹⁷ См. там же.

¹¹⁸ См. там же.

¹¹⁹ Интересно, что Н. Д. Дурманов в другой связи, доказывая, что угроза, предусмотренная в ст. 73¹ УК, не есть обнаружение умысла на убийство, убедительно показал, что между угрозой и последующим убийством нет ничего общего. (См. Н. Д. Дурманов. Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву, М., 1955, стр. 24–25).

самостоятельно наказуемой стадией покушения на хищение, а подлог так же наказуемым, как оконченное преступление приготовлением к хищению и другим преступлениям.

Нетрудно убедиться, к какой невероятной путанице приведет на практике реализация подобного рода положений. Если признать оставление в опасности (ст. 156 УК) «усеченным составом убийства» или самостоятельно наказуемым покушением на убийство, «когда виновный еще не закончил действий, выражающихся в посягательстве на объект»¹²⁰ (на жизнь человека), когда «прямым умыслом виновного охватываются не только действия, входящие в состав преступления, но и дальнейшие, направленные на тот же объект действия и их результат, находящийся за пределами данного состава»¹²¹ (на лишение жизни), то это означает, во-первых, полное искажение как состава оставления в опасности, так и самого учения о составе преступления вообще, и, во-вторых, лишает суды какой бы то ни было возможности решить практически важный вопрос о разграничении оставления в опасности и покушения на убийство.

Получается следующая картина: последствия при оставлении в опасности (ст. 166 УК) «усечены», то есть лежат за составом, и так как эти последствия охватываются прямым умыслом виновного, то вина оказывается также за составом оставления в опасности, ибо вина есть субъективное отношение к общественно опасным последствиям. Кроме того, и объект (жизнь и здоровье жертвы) также находится за составом. Таким образом, оказывается, что все элементы, за исключением действия и субъекта, вынесены за пределы состава.

В действительности же состав оставления в опасности ничего общего с убийством не имеет. Объектом его является *не жизнь*, а безопасность человека. Объективная сторона выражается в действиях, которые вполне закончены и причиняют реальный ущерб *своему* объекту. Они представляют собой поставление лица, находящегося в беспомощном состоянии, в опасное для жизни и здоровья положение. Умысел субъекта при этом не выходит за пределы состава, ибо это противоречило бы понятию умысла как признака субъективной стороны преступления. Содержанием умысла всегда является предвидение *элементов состава преступления*. В данном случае умысел состоит в том, чтобы заведомо подвергнуть жертву известной опасности, *но не лишить ее жизни*. Если же будет установлено, что «прямым умыслом виновного охватываются не только действия, входящие в состав преступления, «но и дальнейшие, направленные на тот же объект действия, и их результат, находящийся за пределами данного состава»¹²² (курсив наш. – Н. К.), то, как правильно пишут Т. В. Церетели и В. Г. Макашвили, виновные будут отвечать не за оставление в опасности, а за покушение на убийство¹²³.

Именно по тому, направлен ли умысел субъекта на причинение смерти или только на оставление в опасности, и можно разграничить состав преступления, предусмотренный ст. 156 УК, и покушение на убийство. Верховный Суд СССР в определении от 15 марта 1944 г. по делу Г., решая вопрос о разграничении оставления в опасности и покушения на убийство, указал, что умышленное создание родителем тяжелых условий для ребенка с целью привести его к смерти должно квалифицироваться как покушение на убийство¹²⁴.

Не менее ошибочным является также рассмотрение изготовления и хранения оружия и ядов как наказуемых в форме оконченных «усеченных» составов приготовления (создание условий) к убийству. Законодатель не случайно поместил статьи, предусматривающие эти преступления, в главу о нарушении правил, охраняющих народное здоровье, общественную безопасность и порядок. Объектом этих преступлений являются не жизнь человека и его здоровье,

¹²⁰ Н. Д. Дурманов. Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву, М., 1955, стр. 43

¹²¹ Там же, стр. 44.

¹²² Н. Д. Дурманов. Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву, М., 1955, стр. 44.

¹²³ См. Т. В. Церетели, В. Г. Макашвили, рецензия на книгу Н. Д. Дурманова «Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву», «Советское государство и право» 1957 г. № 1, стр. 129.

¹²⁴ См. «Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда Союза ССР 1944 г.», М., 1948, стр. 104.

а установленный в СССР порядок хранения и обращения с ядами и оружием. Лицо, разумеется, может, приобретая оружие, готовиться к убийству. Но от этого объект преступления, указанный в ст. 182 УК, не меняется. Появляется лишь необходимость в дополнительной квалификации по совокупности (ст. ст. 19 и 136 УК). Умысел на убийство при незаконном хранении оружия доказывать не приходится, но вовсе не потому, как пишет М. Д. Шаргородский, что это состав особого рода, где умысел на убийство презюмируется законодателем¹²⁵. Он не доказывается потому, что не имеет ничего общего с умыслом состава хранения оружия. Для ответственности по ст. 182 УК с субъективной стороны достаточно того, что субъект предвидит нарушение им системы обращения с огнестрельным оружием и желает ее нарушить.

Все сказанное об «усеченных» составах или стадиях убийства, наказуемых как оконченное преступление, распространяется и на мнимые составы «усеченного» хищения – разбоя и подлога.

Вместо того чтобы в соответствии с предельно ясной редакцией ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан» считать разбой оконченным с момента нападения или угрозы нападения, А. А. Пионтковский в Курсе советского уголовного права (т. I) начал развивать теорию «усеченных» составов. В результате он пришел к выводу, что «разбой, если взять не усеченный состав преступления, а состав преступления в его полностью завершенном виде, как похищение имущества, *есть противоправное насильственное изъятие имущества из чужого владения*»¹²⁶.

Таким образом, А. А. Пионтковский конструирует новый состав – насильственное завладение имуществом, несмотря на то, что законодатель определяет разбой как нападение или угрозу нападения с целью изъятия имущества.

Об ошибочности отождествления подлога, преследуемого по ст. ст. 72 и 120 УК, с приготовлением к хищению и другим преступлениям будет сказано далее.

Б. С. Никифоров, с полным основанием отрицая концепцию «усеченных» составов как не имеющую под собой серьезного научного основания, верно отмечает, что «при внимательном изучении составов этой группы неизменно обнаруживается, что речь здесь в действительности идет не о незавершенной преступной деятельности, а о действиях, нарушающих особые, самостоятельные интересы, особые общественные отношения, которые законодатель, конструируя эти составы, стремится поставить под охрану»¹²⁷.

Сторонники деления преступлений на «усеченные» и «не усеченные» правы лишь в одном: законодатель в стремлении максимально оградить ценные объекты от преступных посягательств конструирует составы таким образом, чтобы действия, которые создают даже самые отдаленные возможности причинения ущерба этим объектам, оказались в сфере уголовно-правовой репрессии. И, конечно, конструируя составы создания опасности для жизни или здоровья граждан, запрещая хранить оружие, законодатель в конечном итоге исходил из того, что эти преступления могут причинить вред личности. Но сторонники теории «усеченных» составов недопустимо смешали *эти мотивы законодательства* с конструкцией составов указанных преступлений. Одно дело, по каким *мотивам* законодатель ввел данные преступления в Уголовный кодекс, а другое, какова конструкция данного состава преступления. Если Уголовный кодекс говорит, что объектом хранения яда является общественная безопасность, то суд не может считать таковым жизнь и здоровье человека и в соответствии с этим доказывать объективную и субъективную стороны хранения яда как приготовление к преступлениям против личности.

¹²⁵ См. М. Д. Шаргородский, рецензия на книгу А. Н. Трайнина «Учение о составе преступления», «Советская книга» 1947 г. № 5, стр. 69–70.

¹²⁶ А. А. Пионтковский, В. Д. Меньшагин. Курс советского уголовного права, М., 1955, т. I, стр. 722.

¹²⁷ Б. С. Никифоров. Объект преступления по советскому уголовному праву, М., 1956, автореферат докторской диссертации, стр. 25–26.

По нашему мнению, не существует составов с «*урезанными*», «*усеченными*» последствиями, лежащими якобы за составом деяния и охватываемые умыслом субъекта. Преступный ущерб всегда прямо входит в состав преступления и умысел может распространяться только на этот ущерб. Умысел на ущерб, лежащий за составом преступления, учитывается в плане индивидуализации наказания. Не существует наказуемых как оконченное преступление приготовлений и покушений, так как последние всегда лишь виды неоконченного преступления.

Глава II

Значение преступных последствий для квалификации преступления

Характер преступных последствий определяется конструкцией соответствующих составов преступлений. В зависимости от *количества* причиненных объекту ущербов принято говорить о *единстве* или *множественности* преступлений. Единое преступление там, где совершенное лицом деяние содержит признаки *одного* состава преступления, выполненного *один раз*, то есть там, где имеется причинение *единого ущерба, одному объекту*¹²⁸ с *одной формой вины*¹²⁹ и *единым субъектом* (одним лицом или соучастниками).

А. А. Герцензон определяет единое (единичное) преступление таким образом: «Единичным преступное деяние явится в том случае, если виновный (или несколько лиц-соучастников) совершит деяние, объединенное единым намерением, единой целью, посягающее на единый объект и выражающееся в деятельности, которая несмотря на все ее разнообразие подчинена единому преступному замыслу, направленному на достижение определенного результата, и в том случае, если это деяние укладывается в признаки, предусмотренные соответствующей нормой особенной части Уголовного кодекса»¹³⁰.

Определение единого (единичного) преступления дано проф. Герцензоном в основном правильно, но нуждается в некоторых уточнениях. Во-первых, это определение пригодно лишь для *умышленных* преступлений. Больше того, указание на цель и намерение ограничивает это понятие лишь преступлениями с прямым умыслом. Поэтому-то в понятии единого преступления следует говорить не о единой цели и намерении, а о *единой форме вины*. Во-вторых, как нам представляется, вместо единства деятельности правильнее говорить о *единстве ущерба*. Действия и бездействие, причиняющие один преступный результат, могут быть самыми разнообразными и многочисленными. Объединяет их все в действие – исполнение определенного состава преступления, именно *единый ущерб*.

Например, состав хулиганства может быть выполнен самыми разнообразными действиями: оскорблением, повреждением имущества, насилием, вплоть до легких телесных повреждений, нарушением общественного порядка в театре, кино, квартире, на улице и другими подобными действиями. Однако все эти действия, несмотря на их многочисленность и разнообразие, причиняют *единый ущерб* одному объекту – правилам социалистического общежития и образуют *единое преступление* – хулиганство.

Критерием единого преступного последствия является *объект посягательства*. Преступное последствие, как мы видели, это общественно вредные изменения в объектах, охраняемых советским уголовным законодательством. Причинение вредных изменений *одному объекту посягательства* образует *единый ущерб*. Этот единый ущерб может быть нанесен как одним, так и несколькими разнообразными действиями.

---

¹²⁸ Исключение составляют редкие составы с двумя объектами.

¹²⁹ Некоторую специфику имеют составы, квалифицированные наличием тяжких последствий (например, ч. 2 ст. 142 УК), где имеются две формы вины в отношении двух последствий.

¹³⁰ А. А. Герцензон. Уголовное право, 1948, стр. 440–441.

Исключением из приведенного правила являются последствия в преступлениях, квалифицированных наличием тяжких последствий. Таковы, например, тяжкие телесные повреждения со смертельным исходом (ч. 2 ст. 142 УК), уничтожение имущества, повлекшее смерть граждан (ч. 3 ст. 175 УК) и др. Причинение смерти в обоих составах является квалифицированным тяжким последствием, причиненным не объекту посягательства, – здоровью лица (в ч. 2 ст. 142 УК) или личной собственности (в ч. 3 ст. 175 УК), а другому объекту – жизни граждан. Однако причинение ущерба разным объектам в силу специфики конструкции указанных составов в данных случаях не образует совокупности преступлений: тяжкого телесного повреждения и убийства или уничтожения имущества и убийства. Следует отметить, что единые преступления – тяжкое телесное повреждение и уничтожение имущества имеют существенные особенности в части единого ущерба и единого объекта.

Множественность преступлений характеризуется причинением *объекту посягательства более одного ущерба*. Единый ущерб при одной форме вины¹³¹, причиненный два или более раза, образует повторность, неоднократность или систематичность преступления. Причинение нескольких ущербов *разным* объектам дает другой вид множественности преступлений – *совокупность преступлений*.

Единое преступление можно подразделить на *простое* и *сложное*. Простым преступлением принято называть такое, в котором одно действие причиняет один простой по своему характеру ущерб (например, хищение, ложный донос, клевета и др.).

В сложных же преступлениях имеется либо несколько действий (скупка и перепродажа товаров с целью наживы в спекуляции), либо преступное последствие складывается из ряда отдельных, более мелких ущербов, причем каждый из этих ущербов не имеет самостоятельного значения (продолжаемое хищение), либо единый ущерб наносится особым способом (длящееся преступление, например, дезертирство), либо, наконец, преступление наносит два ущерба, в отношении которых имеются две разные формы вины (умышленные тяжкие телесные повреждения со смертельным исходом).

Таким образом, к сложным преступлениям относятся *составные преступления, преступления с двумя действиями, длящиеся, продолжаемые преступления и преступления, квалифицированные наличием тяжких последствий*.

§ 1. Преступные последствия в простых преступлениях¹³²

Значение преступных последствий для квалификации простых преступлений целесообразно рассматривать по следующей системе: а) квалификация преступных последствий в зависимости от объекта посягательства, б) последствия и вина, в) квалификация последствий в зависимости от характера действий, служащих их причиной, г) особенности квалификации преступлений, создающих возможность наступления вредных последствий, д) квалификация тяжких преступных последствий.

* * *

Объект и преступное последствие, как уже неоднократно указывалось, неразрывно связаны между собой. Характер преступных последствий определяется содержанием общественных отношений, которым данное преступление наносит ущерб. Преступное последствие, например, хищения – это ущерб социалистической собственности, лжесвидетельства – ущерб

¹³¹ Исключение составляет причинение одному объекту однородных ущербов, но с разной формой вины (например, умышленное и неосторожное убийство). Здесь не повторность, а совокупность преступлений (ст. ст. 136 и 139 УК).

¹³² Как указывалось, в простом преступлении одно действие причиняет один простой ущерб.

интересам социалистического правосудия, неуплаты налогов – ущерб налоговой системе, установленной в СССР и т. д.

В то же время, когда при разграничении смежных или сходных преступлений встает вопрос об объекте, в основном именно по ущербу и можно установить эти объекты. Преступное действие определяется направленностью на причинение определенного преступного ущерба, то есть его содержание зависит от того, какой ущерб оно причиняет. Вина представляет субъективное отражение объективных признаков деяния.

Следовательно, по действиям, ущербу и объекту практически распознается содержание вины. К. Маркс писал об этом применительно к разграничению собирания валежника и кражи леса: «...собирание валежника и кража леса – это существенно различные вещи. Различны объекты, не менее различны и действия, направленные на эти объекты, *следовательно*, различны должны быть и намерения...»¹³³ (курсив наш. – Н. К.).

В тех случаях, если объект преступления не установлен, но известен причиненный преступным действием ущерб, определить непосредственный объект преступления не представляет трудности. Например, каков непосредственный объект спекуляции? В результате скупки и перепродажи товаров с целью наживы субъект производит общественно вредные изменения в системе социалистической торговли: подрывает самый принцип социалистической торговли – торговли без частных посредников. Одновременно с этим вследствие спекулятивных действий несут материальный ущерб и граждане-покупатели, переплачивающие за товары сверх установленной государством цены. Отсюда ясно, что объектом спекуляции являются интересы социалистической торговли и интересы граждан-покупателей.

Взаимосвязь преступного последствия и объекта настолько велика, что неправильное определение последствий состава преступления неизбежно приводит к неверному определению объекта этого преступления. Так, некоторые криминалисты считают преступление, предусмотренное ст. 59^{3в} УК, «формальным», беспоследственным преступлением. Объективная сторона этого преступления, по их мнению, ограничивается фактом нарушения дисциплины на транспорте. *Отсюда* объектом преступления, предусмотренного ст. 59^{3в} УК, оказалась не безопасность движения на транспорте, а только порядок несения службы на транспорте¹³⁴. Подобные утверждения, разумеется, являются ошибочными. Они искажают действительное существо этого преступления и потому с полным основанием были подвергнуты критике в нашей печати¹³⁵.

Оставление в опасности (ст. 156 УК), как уже отмечалось, некоторые криминалисты относят к «усеченным» преступлениям, посягательствам на жизнь и здоровье личности. По их мнению, последствия этого состава – лишение жизни лица, оставленного в опасном для жизни состоянии, или причинение вреда его здоровью, лежат за составом преступления, «усечены» законодателем.

Такого рода «усечение» неправильно определяемого преступного последствия приводит к извращению действительного содержания состава оставления в опасности и, в первую очередь, объекта преступления. На самом деле, как говорилось ранее, объектом оставления в опасности является не жизнь и здоровье личности, действительно находящиеся за составом преступления, предусмотренного ст. 156 УК, а *безопасность личности*.

¹³³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, 1955, стр. 122.

¹³⁴ Наиболее подробно защищается эта точка зрения М. А. Шнейдером в работе «Преступления против трудовой дисциплины на железнодорожном транспорте Союза ССР», М., 1949, автореферат кандидатской диссертации, стр. 13.

¹³⁵ См., например, В. Кудрявцев. О соотношении предмета и объекта преступления по советскому уголовному праву, Труды Академии, 1951, вып. XIII, стр. 69; Егоров. Практика борьбы с преступлениями по службе на железнодорожном транспорте, «Социалистическая законность» 1952 г. № 1, стр. 23; А. А. Пионитковский, В. Д. Меньшагин. Курс советского уголовного права, М., 1955, стр. 298.

Аналогичное положение с остальными «усеченными» составами. «Усекая» следствие, криминалисты «усекают» и действительный объект соответствующих преступлений, подменяя его объектом *другого* преступления (порядок обращения с ядами и огнестрельным оружием – ст. 182 УК – жизнью и здоровьем граждан, порядок письменного удостоверения фактов, имеющих юридическое значение – ст. 72 УК, – социалистической собственностью и т. д.).

В составах с двумя объектами ущерб причиняется не одному, а двум объектам одновременно. Но это возможно в тех немногих случаях, когда объекты неразрывно связаны между собой. Таковы, например, советская торговля и интересы граждан-покупателей в спекуляции, обмеривании и обвешивании. Одновременно двум объектам наносит ущерб также разбойное нападение и вымогательство: здоровью, неприкосновенности личности и ее имущественным интересам.

Там, где объект внешне представлен какими-то физическими предметами – имуществом, личностью и т. д., там преступный ущерб, как правило, выражается в определенных вредных изменениях в предметах посягательства. Тогда для правильной квалификации преступлений прежде всего необходимо установить факт соответствующих изменений в предметах посягательства. Например, для правильной квалификации выпуска недоброкачественной продукции необходимо установить – была ли выпущенная продукция недоброкачественной, то есть перенес ли соответствующие изменения предмет преступления (иногда эти изменения выражаются в изменении не самого предмета, а его законного места положения, например, в хищении). Но, понятно, что изменения в предмете нас интересуют лишь как *доказательство* общественно вредных изменений в объектах.

Рассматривая общее понятие преступных последствий, мы видели, что преступное действие лица может причинить ущерб не одному, а нескольким охраняемым уголовным законом объектам. Для *квалификации* преступления, в первую очередь, в расчет берется следствие – *элемент состава*, то есть следствие, причиняющее ущерб объекту *данного состава*. Причинение ущерба *иным* объектам либо учитывается в плане отягчающих *наказуемость* обстоятельств (ранение жертвы при покушении на ее убийство), либо дает основание для привлечения виновных к ответственности по совокупности нескольких преступлений (неосторожное убийство одного лица, при покушении на умышленное убийство другого лица).

Отсутствие учета связи объекта и характера преступных последствий, с другой стороны, приводит к неточному определению этих последних. Так, например, Б. А. Куринов наиболее типичными последствиями автотранспортных преступлений считает несчастные случаи с людьми, уничтожение или повреждение автомашины и повреждение перевозимых грузов¹³⁶. Однако два последних вида ущерба раскрываются им вне связи с объектом автотранспортных преступлений – безопасностью движения. Отсюда создается впечатление, что к уголовной ответственности по ст. 59^{3в} УК должен привлекаться шофер, который в результате нарушения правил движения повредил машину или грузы, *не создав* в конкретных условиях угрозы безопасности движения.

Между тем на практике весьма нередки случаи, когда шоферы, например, превышая скорость движения, повреждают груз, машину или путевые сооружения. Если в конкретных условиях никакой угрозы безопасности движения не было, указанные шоферы к уголовной ответственности по ст. 59^{3в} УК не привлекаются. Не случайно Б. А. Куринов не смог привести в своей работе ни одного примера из судебной практики, подтверждающего его точку зрения относительно вредных последствий в виде повреждения машины и грузов. За нанесенный соответствующий материальный ущерб шоферы несут гражданскую ответственность, а за нарушение правил движения – дисциплинарную. Таким образом, повреждение машин и грузов лишь

¹³⁶ См. Б. А. Куринов. Уголовная ответственность за нарушение правил движения на автотранспорте, М., 1957, стр. 48–51.

тогда является последствием по ст. 59^{3в} УК, когда они представляют собой общественно вредные изменения в объекте автотранспортных преступлений, то есть когда они создали реальную угрозу или причинили фактический ущерб безопасности движения на автотранспорте.

* * *

* * *

Преступное последствие и вина – также неразрывно связанные между собой признаки преступления. Только то общественно вредное изменение в объектах, причиненное действиями вменяемого лица, считается преступным, которое было причинено *виновно*. В свою очередь вина есть не что иное, как *субъективное отношение* лица в форме умысла или неосторожности к *общественно опасным* последствиям своих действий (ст. 10 УК).

Вина, как элемент состава, предполагает субъективное отношение к общественно вредному последствию, также являющемуся *элементом соответствующего состава*. Виновное отношение лица к вредным последствиям, которые не относятся к элементам состава (вредные последствия, лежащие за составом или последствия, причиненные на стадии приготовления и исполнения), учитываются лишь в плане индивидуализации наказания¹³⁷. Поэтому не правы сторонники признания «усеченных» составов, когда они конструируют вину в отношении последствий, лежащих за составом преступления¹³⁸.

Предвидение или долженствование предвидения преступных последствий соответствующего состава преступления, означает прежде всего предвидение *характера содержания* этих последствий, то есть лицо должно твердо знать, общественно вредным изменением какого *объекта* является этот ущерб и путем каких *действий* (бездействия) он причиняется. Для тех преступлений, которые не знают квалифицированных в зависимости от тяжести последствий составов (дезертирство, клевета, оскорбление, подлог и т. д.), предвидение преступных последствий, необходимое для *квалификации* преступлений, ограничивается предвидением *характера* преступных последствий. Предвидение конкретной тяжести ущерба имеет значение лишь для индивидуализации наказания.

В тех же преступлениях, которые подразделяются на виды более или менее квалифицированных составов в зависимости от тяжести преступных последствий (хищение, телесные повреждения, уничтожение или повреждение имущества, хулиганство, преступления на транспорте и т. д.), лицо помимо характера последствий должно предвидеть и тяжесть причиняемого ущерба. Это, конечно, не означает, что лицо должно предвидеть с точностью до единицы, на сколько, например, рублей будет совершено крупное хищение, на 40 или 45 тысяч. Для квалификации преступления достаточно предвидеть лишь ту типовую, среднюю тяжесть ущерба, которая учитывается законодателем при конструкции составов. Так, причиняющий тяжкое телесное повреждение должен знать, что он причиняет именно тяжкий ущерб здоровью жертвы. Будет ли это наитягчайший ущерб или относительно менее тяжкий в пределах ст. 142 УК, для квалификации действий субъекта это значения не имеет, но учитывается при индивидуализации наказания.

Эту форму вины следует отличить от неконкретизированного умысла. Неконкретизированный умысел имеется там, где тяжесть преступного ущерба данному объекту в сознании лица конкретно, индивидуально не определена. Частным случаем неконкретизированного умысла

---

¹³⁷ См. подробнее § 1 гл. III настоящей работы.

¹³⁸ См. Н. Д. Дурманов. Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву, М., 1955, стр. 44.

является умысел на причинение телесного повреждения, особенно в драке. Избивая жертву, субъект не предполагает заранее, какой конкретный ущерб он причинит. Исключение составляет умысел, например, на специальное удаление глаза (выжигание глаз серной кислотой), языка, половых органов и др. Субъект тогда отвечает в пределах своего намерения.

Так, К. был осужден за умышленное легкое телесное повреждение по ч. 1 ст. 143 УК за то, что, поругавшись на кухне с Г., с силой толкнул ее, и она, ударившись о стол, сломала 3 ребра. В кассационной жалобе К. указал, что считает приговор народного суда неправильным, так как он только с силой толкнул Г. и потому должен отвечать лишь за толчок.

Городской суд нашел, что «вина К. в причинении легких телесных повреждений доказана. Г. утверждает, что ее бил К. К. говорил, что он ее с большой силой оттолкнул на кухне, и Г. ударилась о стол, в результате чего и оказались поломанными у нее 3 ребра. Даже по версии К. он должен отвечать за причинение телесных повреждений Г., так как с силой отталкивая ее, сознательно допускал возможность удара о твердые предметы Г. и получение ею телесных повреждений»¹³⁹.

С таким же неконкретизированным умыслом мы встречаемся и в делах о карманных кражах. Субъект отвечает за тот материальный ущерб личной собственности, который он фактически причинил. Если же вор уже опустил руку в карман или сумку для хищения заведомо определенной вещи (коробки с обувью, свертка с мануфактурой и пр.), то в этом случае умысел конкретизирован и субъект отвечает за ущерб в пределах своего умысла.

В силу неконкретизированного характера умысла небольшой размер фактически похищенного из кармана гражданина имущества (два-три рубля) или из места хранения государственного имущества не дает основания для прекращения дела по примечанию к ст. 6 УК. Для признания деяния малозначительным необходимо, чтобы умысел лица был *направлен именно на незначительный ущерб*.

При определении меры наказания суд учитывает неконкретизированность умысла как отягчающее наказуемость обстоятельство. Лицо, умысел которого был *прямо* направлен на хищение 50 руб. государственных денег, и лицо, которое намеревалось похитить *любое* находящееся на складе имущество, но похищает тоже лишь на 50 руб., так как больших ценностей на складе не оказалось, должны быть наказаны по-разному.

Очевидно, что при прочих равных условиях второе преступление более общественно опасно. Здесь субъект готов был похитить и похитил бы, если только смог бы, большее по размеру имущество.

Приведенный случай нельзя смешивать с *покушением заведомо не на мелкое хищение*, когда субъекту по *не зависящим от него обстоятельствам* удастся похитить лишь небольшое количество имущества. Квалификация по ст. 19 УК и ст. 1 или 3 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» не изменится и от того, что субъект, намереваясь похитить значительное (но не крупное) количество имущества, не знает точную стоимость этого имущества: 700, 900 или 2 тыс. руб.

Например, субъект, намереваясь похитить значительное количество денег из кассы магазина, крадет лишь 200 руб., так как в кассе больше не оказалось. Он будет отвечать не за мелкое хищение, а по ст. 19 УК и ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества». Субъект хотя заранее и не знал точно, сколько денег ему удастся похитить, но, собираясь ограбить кассу магазина, рассчитывал во всяком случае на сумму, значительно превышающую 200 руб. Здесь, таким образом, налицо покушение не на мелкое хищение с неконкретизированным умыслом.

---

¹³⁹ Архив Московского городского суда 1956 г., вторая инстанция, дело № У-2681.

От неконкретизированного умысла на причинение общественно вредных последствий следует отличать альтернативный умысел, который имеется в тех случаях, когда субъект одинаково согласен причинить ущерб или *одному* или *другому объекту*. Такой умысел имел, например, М., который, похищая лошадь, одинаково допускал и то, что она принадлежит государству, тогда он совершал хищение государственного имущества, и то, что она принадлежит колхозу, тогда он совершал хищение общественной собственности. М. был осужден за фактически причиненный им вред – хищение государственного имущества¹⁴⁰.

В умышленных преступлениях фактически наступившие вредные последствия могут не совпадать с содержанием умысла лица. Несоответствие между фактически наступившими и желаемыми субъектом преступления последствиями может идти по линии величины (тяжести) и по линии характера последствий. В обоих случаях виновные отвечают за покушение на то преступление, совершить которое входило в их намерение.

Причинение не того по характеру последствия, которое виновный намеревался причинить, имеет место, например, в хищениях. Лицо собирается причинить ущерб социалистической собственности, а причиняет личной, или наоборот¹⁴¹. В таких случаях субъект отвечает за покушение на то преступление, которое он *хотел* совершить. Причинение фактического ущерба, например, социалистической собственности при умысле на хищение личной собственности, не может вменяться в ответственность лицу за отсутствием субъективной стороны состава хищения социалистической собственности. А поскольку по не зависящим от лица обстоятельствам (ошибки в объекте) личная собственность ущерба не терпит, лицо на общих основаниях должно отвечать за покушение на кражу личной собственности¹⁴².

Несоответствие между ущербом по умыслу и по фактическому причинению в части тяжести ущерба, также ведет к квалификации действия лица как покушения на причинение того ущерба, которое лицо *хотело* совершить.

Так, слесарь железнодорожной станции с осмотрщиком вагонов К. сорвал пломбы и вскрыл вагон. После этого В. встал у вагона и наблюдал, а К. залез в вагон с целью хищения груза. Но едва он успел взять пять пачек папирос, как был окликнут приятелем, так как к вагону приближались посторонние лица.

Хотя фактически было похищено только пять пачек папирос, в данном деле нет ни мелкого, ни малозначительного хищения, ибо малозначительный размер похищенного сам по себе не может служить основанием ни к смягчению наказания, ни тем более к прекращению дела, если посторонние, не зависящие от обвиняемого обстоятельства воспрепятствовали осуществлению его намерения совершить хищение в более крупных размерах¹⁴³.

Содержание умысла устанавливается в зависимости от конкретных обстоятельств дела. В частности, доказательством действительного содержания умысла в хищении может служить наличие в месте совершения преступления, где был застигнут преступник, многих ценных вещей. Тогда невзирая на то, что преступник успел фактически похитить немного, но учитывая, что умысел его простирался на более значительное хищение, последнее не может признаваться мелким и, наоборот, если лицо проникло в помещение, зная, что там находятся лишь малоценные вещи, или у лица не было специальных предметов для выноса похищенного

¹⁴⁰ См. «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1949 г. № 8.

¹⁴¹ См. дело Т., «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1952 г. № 6, стр. 19–20.

¹⁴² Правильное решение этого вопроса см. у В. Ф. Кириченко в работе «Значение ошибки по советскому уголовному праву», М., 1952, стр. 43. Непоследовательно утверждение Н. Д. Дурманова (Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву, М., 1955, стр. 165–166), что если имелась ошибка относительно государственной собственности, то лицо отвечает за покушение на хищение государственной собственности, а если – ошибка относительно личной собственности, то лицо отвечает за оконченную кражу личной собственности.

¹⁴³ См. «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1949 г. № 9, стр. 20–21.

в большом количестве, то имеются основания признать, что умысел лица в данном случае был направлен на мелкое хищение.

Особенности объективной стороны состава преступления, в частности, связь между действием и последствием, оказывают непосредственное влияние на форму умышленной вины. В тех умышленных преступлениях, где между действием и наступлением преступного результата нет разрыва во времени и месте, где сразу же за действием следует последствие, в этих преступлениях невозможен косвенный умысел.

Мы считаем правильным мнение большинства советских криминалистов, что прямой умысел имеется не только там, где налицо предвидение и желание наступления преступных последствий, но также и там, где лицо предвидит неизбежность наступления преступных последствий и соглашается с их неизбежным наступлением. Косвенный умысел предполагает предвидение лишь возможности наступления преступных последствий. Следовательно, преступный ущерб в сознании лица должен быть альтернативен, то есть он может либо наступить, либо не наступить. Такое положение допустимо при условии, что между действием и преступным последствием имеется разрыв во времени и месте и после окончания действия результат может еще не наступить.

В преступлениях, где такого разрыва нет, возможен только прямой умысел. К таким преступлениям относятся контрреволюционные, налоговые преступления, хулиганство, сопротивление власти, ложный донос, дезертирство, изнасилование, оскорбление, клевета и т. д. Так, сразу же вслед за хулиганскими действиями происходит нарушение общественного порядка. Не может быть такого положения, что хулиганские действия окончены, а результат еще не наступил или не наступит вообще. В силу этого нельзя согласиться с довольно распространенным в нашей литературе мнением, будто возможно хулиганство с косвенным умыслом. «Если этот пьяный станет в театре во всеуслышание выражаться нецензурными словами, – пишет, например, т. Габлин, – хотя бы по адресу одного определенного лица, то это надо расценивать именно как хулиганство, совершенное с косвенным умыслом»¹⁴⁴.

В приведенном случае вслед за хулиганскими действиями, публичным оскорблением лица в театре неизбежно наступают последствия – нарушение общественного порядка в театре. Эти последствия не возможны, а обязательны, они не могут не наступить. Следовательно, лицо, совершая хулиганские действия, соглашается с неизбежностью наступления преступных последствий, то есть совершает хулиганство с прямым умыслом¹⁴⁵.

Содержанием вины, как всякого иного сознания, являются объективные факторы действительности и, в первую очередь, объект посягательства, действия лица и преступные последствия. Поэтому нам представляется неверным распространенное в нашей литературе мнение, будто можно разграничить преступления только по вине. Так, часто в учебной и монографической литературе можно встретить утверждение, что хищение, клевета, воинские и все другие умышленные преступления отличаются от контрреволюционных исключительно по наличию или отсутствию в них контрреволюционного умысла. Встречаются даже такие выражения, как «хищение, совершенное с контрреволюционным умыслом»¹⁴⁶ или «воинские преступления с контрреволюционным умыслом».

Ошибка приведенных утверждений состоит в том, что они отрывают вину от объективных признаков деяния, превращают ее в какой-то «суверенный» признак, не связанный с объективными признаками деяния. Не говоря уже о том, что эти утверждения предают забвению

---

¹⁴⁴ Габлин, Усилить борьбу с хулиганством, «Социалистическая законность» 1952 г. № 8, стр. 37.

¹⁴⁵ Правильно решают этот вопрос тт. Солодкин и Филиановский в статье Основные вопросы борьбы с хулиганством, «Советское государство и право» 1956 г. № 3, стр. 108–109.

¹⁴⁶ См. Б. С. Утевский, З. А. Вышинская. Практика применения законодательства по борьбе с хищениями социалистического имущества, М., 1954, стр. 56.

то обстоятельство, что содержание вины раскрывается по действиям лица, результатам его действий и объектам посягательства.

Любое умышленное преступление отличается от контрреволюционного отнюдь не только по умыслу. Объект, ущерб, характер действий этих преступлений принципиально различны. Уничтожение имущества с целью подрыва экономической мощи государства (ст. 58⁹ УК) по всем элементам состава отличается от умышленного уничтожения имущества по мотивам, например, мести (ст. 79 УК). Контрреволюционный умысел может быть доказан не из самого себя, а лишь путем тщательного анализа объективной стороны состава преступления и объекта посягательства.

Трудно согласиться и с другим распространенным в советской уголовно-правовой теории положением, будто возможно в пределах одного состава различное виновное отношение к действию и к результату¹⁴⁷. Так, анализируя состав преступления, предусмотренный ст. 59^{3в} УК, многие авторы пишут о различной вине в отношении к действию – нарушению дисциплины на транспорте и к последствиям – авариям, простоям и пр. А. А. Пионтковский и В. Д. Меньшагин говорят в Курсе советского уголовного права, т. 1, о четырех возможных комбинациях виновного отношения к действиям и преступным последствиям в составе 59^{3в} УК: а) умышленное нарушение трудовой дисциплины на транспорте и причинение ущерба с косвенным умыслом, б) умышленное нарушение дисциплины и причинение ущерба по преступной самонадеянности, в) умышленное нарушение дисциплины на транспорте и неосторожное причинение ущерба и г) неосторожное нарушение дисциплины на транспорте и небрежное причинение ущерба.¹⁴⁸

Такое же различное отношение к действиям и последствиям некоторые криминалисты видят в составе должностных преступлений (ст. ст. 109–111 УК), в преступлениях в области техники безопасности (ч. 3 ст. 133 УК).

Утверждения о двойной вине в пределах одного состава, на наш взгляд, являются искусственными и на практике способны внести путаницу в квалификацию преступлений. В самом деле, мыслимо ли неосторожно причинить умышленный ущерб, или, наоборот, умышленно причинить неосторожный ущерб? Достаточно только поставить такой вопрос, как становится очевидной его несуразность. Преступления могут быть либо умышленными, либо неосторожными.

Невозможны умышленно неосторожные или неосторожно умышленные преступления.

Закон (ст. 10 УК) говорит о виновном отношении к общественно опасным последствиям. Виновное отношение к преступным действиям, как неоднократно указывалось выше, это в действительности вина в отношении последствий этих действий. Общественная опасность действий состоит в направленности их на причинение соответственного преступного ущерба.

Ошибка указанных авторов усугубляется тем, что они говорят о вине в отношении действий, которые далеко не всегда являются преступными. Нарушение дисциплины на транспорте (ст. 59^{3в} УК), нарушение служебной дисциплины (ст. 109–111 УК) или нарушение правил по технике безопасности (ч. 3 ст. 133 УК) только тогда являются преступными действиями,

¹⁴⁷ См. «Советское уголовное право», 1951, стр. 135–136; Б. С. Утевский. Общее учение о должностных преступлениях, 1948, стр. 394–404; И. И. Слуцкий. Ответственность за исполнение незаконного приказа по советскому уголовному праву, Ученые записки Ленинградского государственного университета, 1953, № 151, вып. 4, стр. 231–235, его же. Ответственность за нарушения правил по технике безопасности, 1953, стр. 44; В. Д. Меньшагин, З. А. Вышинская. Уголовное право, 1950, стр. 371; А. Н. Трайнин. Состав преступления по советскому уголовному праву, М., 1951, стр. 150–151; В. Василец. Квалификация преступлений, совершенных на автотранспорте, «Социалистическая законность», 1954 г., № 10, стр. 34–38; А. А. Пионтковский, В. Д. Меньшагин. Курс советского уголовного права, 1955, т. 1, стр. 305–310; В. Ф. Кириченко. Ответственность за должностные преступления по советскому уголовному праву, М., 1955, стр. 102–108; Н. С. Алексеев. Транспортные преступления, М., 1957, стр. 84–85; Б. А. Куринов. Уголовная ответственность за нарушение правил движения на автотранспорте, М., 1957, стр. 64, 124, 125.

¹⁴⁸ См. А. А. Пионтковский, В. Д. Меньшагин. Курс советского уголовного права, 1955, т. 1, стр. 306–308.

когда они либо создали опасность причинения соответствующих тяжких последствий, либо фактически их причинили. Без этого они лишь дисциплинарные и административные правонарушения, и о вине в уголовно-правовом смысле слова в отношении их говорить нельзя.

Практически для квалификации указанных преступлений установление вины отдельно в отношении действия в результате ничего не дает. Независимо от того, как субъект относился к действию (к нарушению дисциплины в данных случаях), суду для квалификации преступления необходимо установить вину в отношении преступных последствий. В случае же установления предвидения субъектом того, что в результате его действия, то есть в результате нарушения служебной дисциплины, правил по технике безопасности или правил движения на транспорте наступят последствия, указанные в ст. ст. 109, 59^{3в}, ч. 3 ст. 133 УК, субъективная сторона этих преступлений, как и во всех иных преступлениях, будет полностью доказана.

В судебной практике нельзя встретить дел, в которых суды констатировали бы одну форму вины в отношении действий, и другую – в отношении последствий этих же действий. В примерах, которые приводят криминалисты для обоснования точки зрения о двойной вине в одном составе, речь идет о другом: о *сознательном, грубом нарушении* трудовой дисциплины или о нарушении дисциплины *без подобныхотягчающих признаков*. Так, по делу Ш. Верховный Суд СССР указал: «шофер в состоянии опьянения стал управлять автомашиной, превышая нормальную скорость. Постовой милиционер, видя, что автомашина следует с грубым нарушением правил уличного движения, подал сигнал об остановке, но Ш. не подчинился, увеличил скорость и пытался скрыться. Милиционер успел вскочить на крыло автомашины и настойчиво требовал остановки. Шофер Ш., потеряв управление, свернул автомашину в кювет, в результате чего пассажиры были выброшены, а М. попал под заднее колесо автомашины, получил тяжелые ушибы и в тот же день скончался»¹⁴⁹.

Приведя этот пример т. Василец пишет, что «Ш. по отношению к нарушению дисциплины на автотранспорте действовал с *прямым умыслом* (*сознательное* нарушение правил уличного движения), по отношению же к последствиям (гибель М.) действовал с косвенным умыслом»¹⁵⁰ (курсив наш. – Н. К.).

Получается, что Ш. умышленно причинил неосторожную смерть! Автор, таким образом, смешивает умысел и сознательное поведение лица. Сознательны все действия вменяемого человека. В деле Ш. говорится о *грубом* нарушении правил уличного движения, а не об умысле в отношении самих действий лица.

Попытки конструкции самостоятельной формы вины в отношении действий приводят на практике к серьезным ошибкам. Так, в руководящем постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 16 сентября 1950 г. говорилось, что «сознательное злостное нарушение правил движения (так называемое “лихачество”, вождение в нетрезвом виде и т. д.), повлекшее несчастные случаи с людьми – смерть или увечье потерпевшего, – должно квалифицироваться как умышленное убийство или умышленное тяжкое телесное повреждение по ст. 136 или ст. 142 УК РСФСР и соответствующими статьями Уголовного кодекса других союзных республик».

Здесь, как видим, акцент делался на психическое отношение водителя к его действиям – нарушению правил движения (лихачество, хулиганство за рулем и пр.). В результате некоторые практические работники поняли это постановление таким образом, что действия водителей должны квалифицироваться как умышленное убийство или телесное повреждение независимо от наличия у виновного умысла на причинение этих тяжких последствий. Достаточно якобы лишь доказать сознательное нарушение правил движения на автотранспорте.

¹⁴⁹ «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1950 г, № 7, стр. 25.

¹⁵⁰ В. Василец. Квалификация преступлений, совершенных на автотранспорте, «Социалистическая законность» 1954 г. № 10, стр. 36.

Именно поэтому Пленум Верховного Суда СССР в своем руководящем постановлении от 10 апреля 1957 г. указал: «Учитывая, что пункт второй постановления Пленума Верховного Суда СССР от 15 сентября 1950 г. № 16/12/у “О квалификации преступлений, связанных с нарушением правил движения на автотранспорте” в некоторых случаях приводил к неправильному применению закона об ответственности за убийство или телесное повреждение, Пленум Верховного Суда СССР постановляет изложить пункт второй указанного постановления в следующей редакции:

«2. Нарушение правил движения, допущенное другими водителями автомашин, не являющимися работниками автотранспорта, должно квалифицироваться: а) нарушение правил движения, повлекшее несчастные случаи с людьми – смерть или телесное повреждение, если по делу установлено, что *виновный предвидел возможность наступления таких последствий и сознательно допускал их*, должно квалифицироваться соответственно как умышленное убийство или умышленное телесное повреждение по соответствующим статьям уголовных кодексов союзных республик»¹⁵¹ (курсив наш. – Н. К.).

А. Сахаров, правильно критикуя положение о двойной вине в составе должностных преступлений, пишет: «...произошла подмена понятий, и *сознательное* выполнение определенных действий оказалось превращенным в *умышленное* совершение преступления. Между тем, что это не одно и то же, свидетельствует хотя бы тот факт, что сознательное совершение общественно опасных действий присуще и неосторожности в форме самонадеянности. Более того, о сознательном выполнении действий в том смысле, как это и имеют в виду авторы рассматриваемой точки зрения, можно говорить и при небрежности»¹⁵².

Интересно в этом плане дело В., осужденного по ст. 139 УК. В., будучи дежурным электромонтером на электростанции, грубо нарушил правила техники безопасности, поставив на обтирочные работы не знавшего правил техники безопасности несовершеннолетнего ученика Б. В результате Б. был убит током высокого напряжения.

Из определения Верховного Суда СССР по этому делу следует сделать тот вывод, что поставление потерпевшего в положение, заведомо опасное для его жизни и повлекшее за собой смерть, при отсутствии умысла на убийство, образует преступление, предусмотренное ст. 139 УК¹⁵³.

Применяя к делу критикуемую концепцию о двойной вине в одном составе – к действию и к результату – пришлось бы говорить об умышленном отношении к действию (грубое нарушение правил техники безопасности, выразившееся в поставлении несовершеннолетнего ученика в положение, *заведомо* опасное для его жизни) и неосторожности в отношении последствий (смерти потерпевшего). Понятно, что точка зрения о двойной вине не выдерживает критики, если, следуя ей, приходится говорить об умышленном причинении неосторожного убийства!

Таким образом, практика знает понятие грубого сознательного нарушения дисциплины и нарушения без этихотягчающих признаков. Степень грубости, проявленной при нарушении дисциплины на транспорте, службы или техники безопасности, рассматривается в плане *индивидуализации наказания*, а не субъективной стороны при квалификации преступления. Если субъективное отношение к нарушению трудовой дисциплины и учитывается судом при квалификации, то не как отдельная форма вины, а как *доказательство* наличия и формы вины по отношению к *преступным последствиям*. Так, в приведенном выше деле В. факт сознательного (заведомого) нарушения правил техники безопасности в совокупности с многолетним

---

¹⁵¹ «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1957 г. № 2, стр. 27.

¹⁵² А. Б. Сахаров. Ответственность за должностные злоупотребления по советскому уголовному праву, М., 1956, стр. 114.

¹⁵³ См. «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1956 г. № 3, стр. 9.

опытом работы виновного послужил доказательством того, что он мог и должен был предвидеть тяжелые последствия своих действий.

* * *

Действие и преступный ущерб являются по отношению друг к другу причиной и следствием. В преступлении лишь тот ущерб может быть последствием – элементом состава и принимается во внимание при квалификации преступления, который был причинен соответствующим преступным действием субъекта¹⁵⁴.

В судебной практике еще встречаются случаи, когда суды вменяют в вину лицу ущерб, не установив, был ли он причинен соответствующими преступными действиями данного субъекта. Так, в делах о недостатке суды иногда вместо установления виновного причинения данным лицом материального ущерба государству ограничиваются установлением, с одной стороны, факта недостатка, а с другой – материальной ответственности лица по должности. Между тем один лишь факт недостатка не может служить основанием для обвинения в хищении без выяснения причин образования недостатка¹⁵⁵.

По делу Т. Верховный Суд СССР отменил приговор потому, что обвинение в халатности было основано лишь на одном факте причинения ущерба без выяснения вопроса, является ли этот ущерб результатом какого-либо преступного действия или бездействия со стороны обвиняемых¹⁵⁶.

Подобную ошибку допускают иногда суды и в делах о халатности. Бывают случаи, когда тяжкий ущерб вменяется лицу лишь на основании его формального должностного положения без установления факта совершения этим лицом определенного преступного действия, причинившего этот ущерб. Так, например, врач А. была привлечена к уголовной ответственности по ст. 111 УК за то, что во время ее дежурства умер больной О. Суд исходил при этом исключительно из факта смерти пациента и того обстоятельства, что в этот день дежурным врачом больницы была А.

Верховный Суд СССР определением от 22 июня 1955 г. отменил приговор по тем мотивам, что обвинение в халатности не может быть признано правильным, если оно основано лишь на факте наступления тяжелых последствий при отсутствии доказательства о небрежном или недобросовестном отношении должностного лица к возложенным на него по службе обязанностям¹⁵⁷.

В делах о преступлениях на транспорте суды также иногда ошибочно вменяют происшедшую аварию шоферу или машинисту, исходя лишь из факта, что данное лицо в момент аварии управляло машиной или паровозом.

Например, Б. был признан виновным в том, что, работая шофером на грузовой автомашине, допустил аварию, в результате которой был убит один пассажир. На самом деле колесо машины Б. попало в так называемый «пучляк» и машина опрокинулась, в результате чего был убит пассажир. Верховный Суд СССР отменил приговор, так как отсутствие причинной связи между допущенным нарушением правил движения и наступившими последствиями исключает уголовную ответственность нарушителя за эти последствия¹⁵⁸. Как в делах о преступлениях

---

¹⁵⁴ В настоящей работе нецелесообразно рассматривать по существу вопрос о причинной связи. Это большая и сложная проблема, требующая самостоятельного монографического исследования. Изложение ее фрагментами в ограниченных рамках данной работы ничего бы не дало ни для анализа причинной связи, ни для анализа преступных последствий. Поэтому автор счел возможным ограничиться сказанным о причинной связи в разделе о понятии преступных последствий.

¹⁵⁵ См. «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1954 г. № 3, стр. 22–23.

¹⁵⁶ См. «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1951 г. № 5, стр. 11.

¹⁵⁷ См. «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1955 г. № 5, стр. 9.

¹⁵⁸ См. «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1956 г. № 2, стр. 9–10.

на транспорте, так и в делах о других преступлениях должна быть установлена причинная связь не вообще между нарушением трудовой дисциплины на транспорте и вредными последствиями, а именно между данным нарушением дисциплины (в других делах – данными действиями лица) и последовавшим от него ущербом. Например, в деле Л. Верховный Суд СССР отменил приговор по той причине, что факт выезда в рейс на технически неисправной автомашине еще не дает основания для привлечения к ответственности по ст. 59^{3в} УК, если установлено, что происшедшая авария не находилась в причинной связи с неисправностью машины¹⁵⁹.

Ущерб может произойти по самым различным причинам. Всегда важно установить, какая часть ущерба может быть отнесена за счет действия субъекта и какая за счет обстоятельств, от него не зависящих. По делу М. и К. Пленум Верховного Суда СССР указал, что «предварительное и судебное следствие, сосредоточив свое внимание на М. и К. и возложив на них всю ответственность, исходило только из одного факта простоев, не вдаваясь в анализ вызвавших их причин, и тем самым не выявило других виновников простоев. Между тем, как видно из имеющихся в деле материалов, простои имели место и по вине агентов железной дороги и по вине лиц, допустивших массовый внеплановый завоз зерна без своевременного предупреждения базы»¹⁶⁰.

Недостатком в квалификации преступлений в части объективной стороны следует признать и то, что отдельные суды ограничиваются установлением преступного ущерба и характеризуют действие лишь в самой общей форме, неконкретно. Такая практика противоречит закону, который требует точного установления способа, места и времени совершения преступных действий. Так, Верховный Суд СССР в определении от 10 сентября 1946 г. указывал, что в приговоре должно быть точно установлено, в *чем конкретно выразилось преступное действие или бездействие* подсудимого, дающее основание для квалификации их по соответствующей статье уголовного кодекса или иному уголовному закону¹⁶¹.

В полном объеме вменяется преступный результат субъекту и в случаях так называемого посредственного причинения ущерба. Посредственное причинение имеется там, где: 1) умышленно действующий субъект использует в качестве орудия преступления ребенка или невменяемое лицо, 2) субъект умышленно причиняет результат руками лица, действующего без вины, 3) непосредственный причинитель действует по неосторожности, а главное лицо – с умыслом, 4) непосредственный исполнитель – неспециальный субъект, тогда как субъектом преступления может быть только специальное лицо. В этом последнем случае неспециальный субъект либо вовсе не отвечает, либо отвечает за самостоятельное недолжное преступление. Исполнителем, причинившим ущерб, признается специальный субъект.

* * *

В диспозиции уголовного закона последствия могут быть перечислены альтернативно. Так, сконструированы, например, преступления, предусмотренные ст. ст. 59^{3в}, 59^{3г} 109, 128^в, ч. 3 ст. 133, ст. 149 УК и некоторыми другими статьями.

В этих преступлениях для окончательного состава достаточно наличия одного из названных в законе последствий. Причинение сразу нескольких ущербов не меняет квалификации *по основной статье*, но дает основание для повышения меры наказания в пределах санкции статьи Уголовного кодекса или к переходу к квалификации по части, предусматривающей

¹⁵⁹ См. «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1956 г. № 1, стр. 9–10.

¹⁶⁰ «Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда Союза ССР 1940 г.», М., 1947, стр. 61; см. также дело Г., «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1952 г. № 9, стр. 17.

¹⁶¹ См. «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1949 г. № 12, стр. 26.

более тяжкий вид преступлений (например, при наличии умысла с ч. 1 ст. 59^{3в} на ч. 2 ст. 59^{3в} УК).

Альтернативно указываются иногда два вида последствий – фактическое, точнее, *реальное* причинение ущерба, и *создание опасности*, возможности его причинения (ст. 59^{3в} 109, ч. 3 ст. 138 УК и др.). Не всякое создание опасности причинения ущерба может рассматриваться как преступное последствие, достаточное по своей общественной опасности для привлечения виновного к уголовной ответственности. Так, всякое по существу нарушение дисциплины на транспорте, связанное с безопасностью движения, в какой-то степени создает опасность безаварийной работе транспорта. Однако степень этой опасности различна. Она определяется двумя моментами: *тяжестью ущерба*, который должен наступить при реализации опасности, и *близостью* наступления этого ущерба.

При квалификации преступных последствий в форме создания опасности причинения ущерба на практике встречаются ошибки, вытекающие прежде всего из недостаточного учета самостоятельности и конкретности этого вида преступных последствий. Понятие реальной возможности, опасности причинения ущерба является относительным. Характер опасности определяется ущербом, который должен неизбежно наступить в случае реализации опасности. Однако подобного рода относительность понятия опасности не означает, что вообще опасность лишена характера самостоятельного вида последствий. Некоторые криминалисты ошибочно полагают, что нельзя говорить об опасности, пока она не активизируется в реальном причинении ущерба. Отсюда, если фактический ущерб почему-либо, даже по не зависящим от лица обстоятельствам, не последовал, они отрицают и предшествующий факт создания опасности его причинения, а, следовательно, и само преступление.

Так, например, старший стрелочник М. явился на работу в нетрезвом виде, чем создал явную опасность (близкую и серьезную) наступления тяжких последствий. М. от работы был отстранен. Суд, исходя из того, что реальной аварии не произошло, прекратил дело за отсутствием состава преступления.

Пленум Верховного Суда СССР приговор по делу отменил по той причине, что действия работника транспорта, которые *могли повлечь* последствия, указанные в ст. 59^{3в} УК, подлежат квалификации по этой статье Уголовного кодекса и в том случае, если последствия устранены в результате постороннего вмешательства, не зависящего от обвиняемого¹⁶².

Объективно и сознательно созданная опасность аварий на транспорте не теряет значения преступного последствия и тогда, когда она ликвидируется самим субъектом. Добровольное предотвращение аварий может сделать нецелесообразным в силу ст. 8 УК наказание субъекта, но состав преступления, предусмотренный в ст. 59^{3в} УК, в этих случаях полностью выполнен. Больше того, транспортное преступление будет налицо и в том случае, если лицо сознательно создало опасность аварии только для того, чтобы затем обязательно предотвратить ее. Так было в деле стрелочницы П., которая, сломав киркой на стрелке висячий замок, немедленно вслед за этим сообщила на станцию о том, что обнаружила подготовку неизвестными злоумышленниками крушения поезда. Таким путем Н. хотела получить премию за бдительность. Не приняв во внимание, что создание опасности аварий является согласно ст. 59^{3в} УК самостоятельным преступным последствием, суд первой инстанции признал в действиях Н. беспоследственное нарушение дисциплины на транспорте, наказуемое в дисциплинарном порядке. Вышестоящий суд отменил оправдательный приговор, так как работник транспорта, сознательно совершивший действия с тем, чтобы, предотвратив возможные последствия, приписать себе заслугу предотвращения крушения, подлежит ответственности по ст. 59^{3в} УК.

---

¹⁶² См. «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1949 г. № 2, стр. 11–12.

В основе дискуссии судебно-медицинских работников об оценке опасности для жизни и здоровья личности телесного повреждения также лежит неправильное отрицание за понятием опасности для жизни признаков объективного и *самостоятельного* вида преступных последствий, существующих *независимо* от последующей реализации этой опасности в фактический ущерб здоровью личности.

Так, на третьем Украинском совещании судебных медиков проф. Сапожников, кандидаты наук Сотникова, Добряк и другие выступили против признания проникающих в грудную полость ран, не вызвавших повреждения внутренних органов и быстро заживающих, опасными для жизни и потому являющимися тяжкими телесными повреждениями¹⁶³. Проф. Райский в своем учебнике судебной медицины также проводит то положение, что проникающие ранения живота и грудной клетки, если не было тяжелого или смертельного исхода, относятся к легким телесным повреждениям.

Справедливой критике эти утверждения были подвергнуты в печати проф. Авдеевым, который указал, что корень ошибок судебных медиков в том, что они «смешивают два различных понятия: «опасность для жизни» и «исход повреждения». Между тем «опасность для жизни остается и сохраняется *независимо* от исхода. Опасное для жизни повреждение может иметь смертельный исход и может закончиться полным выздоровлением»¹⁶⁴ (курсив наш. – Н. К.).

Признавая в некоторых особо тяжких преступлениях создание опасности причинения ущерба самостоятельным видом преступных последствий законодатель тем самым обеспечивает возможность предотвращения серьезных ущербов, в первую очередь, жизни и здоровья советских граждан. Органы предварительного расследования, которые не учитывают самостоятельности этого вида преступных последствий и потому не осуждают за преступления, которые согласно закону признаются оконченными с момента создания опасности причинения ущерба, допускают тем самым серьезную ошибку. Эта ошибка может стоить жизни советским гражданам.

С., Н. и П. были осуждены народным судом Тракторозаводского района г. Челябинска по ст. 111 УК за то, что они, работая на кирпичном заводе треста № 42 г. Челябинска соответственно главным инженером, главным механиком и мастером-энергетиком, вследствие преступной халатности допустили эксплуатацию электросиловой линии, установленной в карьере завода в 1955 году, которая с декабря 1955 года перестала использоваться для работ в карьере и находилась в совершенно непригодном для эксплуатации безнадзорном состоянии.

В результате этого 25 мая 1956 г. была убита током девочка, а также прибежавшие к ней на помощь мать и сестра.

Верховный Суд РСФСР в определении¹⁶⁵ от 23 октября 1956 г. установил: «Как видно из материалов дела и из приговора суда электросиловая линия в кирпичном карьере длительное время находилась в безнадзорном и опасном для окружающих состоянии: столбы имели крен до 30°, провода свисали до двух метров от земли, а в некоторых местах еще ниже, оттяжка столбов на некоторых из них была выше проводов и касалась их, между опорами № 3 и № 4 на проводах висела неизвестно кем и когда заброшенная проволока, спускавшаяся почти до уровня воды в водоеме между этими опорами. В таком положении эта линия находилась до мая 1956 года.

При таком положении несчастный случай мог произойти не только 25 мая с девочкой Е., но и значительно ранее и с другими жителями поселка»¹⁶⁶

¹⁶³ См. «Вопросы судебно-медицинской экспертизы», М., 1954, стр. 197–199.

¹⁶⁴ М. Авдеев. Определение степени тяжести телесных повреждений, «Социалистическая законность» 1954 г. № 7, стр. 29.

¹⁶⁵ Архив Верховного Суда РСФСР 1956 г., дело № 48-06-пр-231.

¹⁶⁶ Архив Верховного Суда РСФСР 1956 г., дело № 48-06-пр-231.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.